

A man and a woman are shown in a dramatic, close-up pose. The woman, in the foreground, has long blonde hair tied with a large black bow and is wearing a dark floral-patterned top. She has a serious expression and is looking back over her shoulder. The man, behind her, has a beard and is wearing a white shirt with the top buttons open. He is looking directly at the camera with a stern expression. The background is dark and out of focus, suggesting an indoor setting with some light sources.

БЫВШИЕ

Я больше не твоя

Анюта Васильева

Бывшие. Я больше не твоя

<https://litres.ru/74238544>

Аннотация

♥#Теперь и на бумаге♥# Аннотация Я была счастлива в браке на протяжении четырёх лет. Мой муж в буквальном смысле носил меня на руках и счастье наше омрачало только одно — я никак не могла забеременеть! Камал был вынужден взять вторую жену, ему нужен был наследник. Жгучая ревность не позволяла свободно дышать. Я не могла даже вынести того, что мой любимый просто сидит рядом со своей второй женой. Я просила Камала меня отпустить, не потому, что хотела уйти. Я просила отпустить, потому что знала, как только Айша понесёт, будет беда! Так и вышло...

Альтернативные традиции:

#_Эмоции на грани. #_Боль. #_Искупление грехов. #_ХЭ обязательно будет.

Содержание

1 глава	4
2 глава	11
3 глава	18
4 глава	25
5 глава	30
6 глава	38
7 глава	43
8 глава	49
9 глава	56
10 глава	64
11 глава	71
12 глава	77
13 глава	83
14 глава	91
Конец ознакомительного фрагмента.	97

1 глава

— Поздравляю, Руслана. Вышивка просто превосходная! Далеко не каждому под силу воплотить подобное в жизнь.

— Благодарю вас, Лизетт. Слышать от такого дизайнера похвалу — это награда высшей степени, — искренне улыбаюсь, но волнение скрыть всё равно не удаётся. Пальцы невольно сжимают тонкую ножку бокала, будто это может удержать меня, не дать рассыпаться от смеси гордости и неловкости.

— Роберт, поганец, намеренно держал тебя взаперти целых два года.

Я немного тушуюсь. Вроде и понимаю, что Лизетта Браун не только примерно одного возраста с Робертом Оскаровичем, она и в бизнесе с ним на равных, и в целом имеет право подобное говорить. Но я слишком сильно уважаю этого человека, и нечто такое в его адрес мне неприятно слышать, пусть и сказано это и не всерьёз, наверное...

В зале тем временем гудит светская суета: кто-то смеётся слишком громко, кто-то нарочно задевает плечом, проходя мимо, а хрустальные подвески на люстре ловят свет и рассыпают по стенам дрожащие блики — всё это вдруг кажется невыносимо шумным, будто мир специально старается заглушить мои мысли.

— Хотя я его понимаю. Такое сокровище нужно держать

при себе.

— Вы преувеличиваете. Ничего сверхъестественного во мне нет и...

— Не скромничай, девочка! Все мы знаем, что две предыдущие коллекции разлетелись только благодаря твоей вышивке. Именно она придала бесформенным мешкам Роберта шик и колорит.

Голос женщины стал уже совсем не добрым. Всё же правду говорят: Роберт Вий и Лизетта Браун — злейшие конкуренты.

— О, миссис Хелена, — чуть повышая голос, Лизетта окликает одну из гостей и, кивнув мне на прощание, спешно уходит.

Её каблуки коротко цокают по мраморному полу, и этот звук, как щелчок, отсекает меня от короткого ощущения поддержки — я остаюсь одна посреди зала, где каждый взгляд будто оценивает, взвешивает, примеряет ко мне чужие ожидания.

— Ну надо же, какая встреча!

Я замираю с бокалом шампанского у своих губ, так и не сделав глотка. Ледяной пот коркой льда моментально покрывает спину. Руки заметно подрагивают, и мне приходится приложить максимум усилий, чтобы взять себя в руки, унять дрожь и наконец обернуться.

И откуда только силы взяла посмотреть на человека, которого когда-то любила больше собственной жизни?!

Всё же эмоции берут верх, и я испуганно отступаю. Ступня неловко скользит по гладкому полу, и я едва не теряю равновесие — этот миг слабости кажется унижительным, будто тело само выдаёт то, что я пытаюсь спрятать за ровным взглядом.

Ожидаемо, этим действием я вызываю усмешку у мужчины.

— Что же ты, Руслана, — едва ли не по слогам произносит моё имя. Звучит из его уст оно странно, потому что имя моё он никогда не любил.

Он называл меня исключительно ласковыми словами: «Душа моя», «любовь моя», «пленительница сердца моего», при посторонних — «милая» или «дорогая». Порой мне казалось, что он и вовсе забыл, как меня зовут на самом деле.

Моего бывшего мужа никогда не волновали косые взгляды и усмешки посторонних по этому поводу. Я была его жизнью, а он моей.

Но всё это было очень давно. Со временем и вовсе стало казаться, что это было не со мной, просто сон и не более.

Посмотреть в глаза Камалу с первого раза мне не удаётся. Вроде почти шесть лет прошло, а раны, оказывается, ещё кровоточат.

Хотя ещё совсем недавно я думала, что не только забыла о том, сколько боли причинил мне этот человек, но и сумела простить его. Сейчас понимаю, что нет, ни черта я его не простила!

— Как ты меня нашёл? — выпаливаю слишком быстро, не успев даже как следует подумать.

— Нашёл? Ты серьёзно сейчас? — против своей воли, словно стыдясь, снова опускаю взгляд. Смотрю себе под ноги.

Галиев всегда подавлял меня. Мне казалось, после нашего развода я заматерела, стала сильнее, но, кажется, и тут я ошиблась.

Конечно же, наша встреча здесь — это случайность. Это я впервые на подобном мероприятии, Кам — он уже давно самый желанный гость на любом из подобных банкетов.

Крупный магнат, смело вливающий свой капитал чуть ли не в любое престижное дело. Он не боится рисковать, его теперь уже многопрофильный бизнес приносит ему просто бешеные деньги!

Камал, в целом, никогда не был бедным человеком. Но ранее у него было одно направление в бизнесе, которое ещё во времена нашей с ним супружеской жизни приносило немалый доход. Но сейчас уже у него целая империя! Теперь он большой человек не только на своей родине, но и здесь.

Камал так не привычно стоит напротив, и в нём нет ничего от того мужчины, которого я когда-то знала. Костюм сидит безупречно, будто отлит по его фигуре, а в осанке столько властной уверенности, что даже воздух вокруг него кажется плотнее, тяжелее. И в этом контрасте между тем, кем он стал, и тем, кем был, мне становится ещё неуютнее — будто я стою

перед чужой, холодной статуей, а не перед человеком, чьи прикосновения когда-то сводили меня с ума.

— Удивительно, ты совершенно не изменилась. Разве что стала чуть полнее, но тебе так даже лучше.

Первые пару мгновений я удивилась сказанному. При росте метр шестьдесят семь я вешу шестьдесят три килограмма. Для модели я, конечно, безбожно толстая, но для обычной женщины вполне нормально, я так считаю. Даже если и есть у меня пара лишних кило, то они совершенно точно отложились на самых нужных местах.

— Вы что-то хотели от меня, господин Асад? — на этот раз усмешка Камала показалась мне немного натянутой.

— Господин Асад?! — повторил почти без иронии. — Когда-то ты называла меня просто — господин.

— Этого больше никогда не повторится! — не ожидала сама от себя, но получилось немного грубовато. К тому же это было так давно, что уже и не кажется мне реальностью.

— Ну да! Какие-то моменты, конечно же, удобней просто забыть.

Я прекрасно понимаю, о каких моментах говорит Камал, но в памяти моей всплывает совсем другой эпизод. Налитые гневом и презрением глаза любимого и хлёсткая пощёчина, невыносимой болью обжигающая лицо...

Следующим кадром в моей голове — я, распластанная на огромном бревне хоздвора, и удары плетью один за другим обрушиваются на мою обнажённую спину. И не двадцать

ударов, как приказал Камал, гораздо больше. И этого мне точно никогда не забыть, потому что на моей спине красуются уродливые шрамы. Они как напоминание того, что я полюбила человека, который этого был не достоин.

Камал сейчас внимательно рассматривает меня. Я знаю его вот этот потемневший взгляд с прищуром. Когда-то он заставлял меня делать невозможные вещи. Подчинял меня без слов, приказывал, распалял и даже принуждал ко многому. Да, именно принуждал, но впоследствии я абсолютно всегда оставалась довольной.

Камал невероятно страстный и требовательный, он умеет управлять женщинами. Пусть и не сразу, но я научилась делать так, как ему нравилось. Он всегда был доволен, и спустя время я поняла, что по большей части именно из-за этого он не хотел отпускать меня, хотя я очень просила. А ведь если бы Камал не включил свой привычный эгоизм, если бы отпустил сразу, всё сложилось бы совершенно иначе.

— Завтра к трём часам буду ждать тебя в ресторане на пятом квартале. Давай только без опозданий, у меня нет лишнего времени.

— У меня тоже, — отвечаю почти твёрдо. В этом ответе я пытаюсь собрать всю свою гордость в кулак, но внутри всё дрожит — не от страха, а от горького осознания, что он всё ещё может заставить меня чувствовать себя маленькой и уязвимой, даже не повышая голоса.

— Найдёшь!

Допив остатки янтарной жидкости, Камал бросает на меня последний взгляд и уходит. Его шаги звучат уверенно и ровно, и с каждым шагом он будто забирает с собой часть воздуха из зала — мне всё равно становится легче дышать, но одновременно становится холоднее, будто пространство, которое он занимал, теперь зияет пустотой.

Я же понимаю, что больше не выдержу тут ни одной минуты, мне нужно домой.

Я ухожу, ни с кем не попрощавшись.

К счастью, такси приходится ждать всего пару минут. Пока стою у края тротуара, подставляю лицо прохладному ветру и пытаюсь стряхнуть с себя этот вечер, как стряхивают капли дождя с плаща. В голове крутится только одна мысль: завтра я пойду на эту встречу, но не ради него. Я пойду, чтобы наконец поставить точку, которую должна была поставить ещё шесть лет назад.

2 глава

Я не смыкала глаз до самого рассвета. В комнате висела тяжёлая, вязкая тишина, а каждый шорох — скрип половицы, далёкий гудок поезда, даже собственное дыхание — звучал оглушительно.

В момент, когда усталость всё же взяла надо мною верх, я только-только прикрыла глаза, как зазвонил телефон. Его резкий, настойчивый трель ворвалась в сознание, будто кто-то дёрнул за невидимую струну, и я подскочила, сердце колотилось где-то в горле.

— Руслана, ты почему сбежала с показа? Как ты могла бросить меня? Если бы ты только знала, каким количеством вопросов меня завалили эти нахальные журналисты. Я был вынужден отдуваться за нас обоих, — мужчина был эстонцем, и хотя на русском говорил он хорошо, но всё же с заметным акцентом. В его голосе слышались и обида, и привычная требовательность, и даже лёгкая паника.

— Пожалуйста, простите меня, Роберт Оскарович. Не стоило мне пробовать тех устриц, они оказались не для моего желудка, — хорошо, что мой начальник не видит, до какой степени я побагровела от стыда, что так нагло вру ему.

Поднявшись с постели я подошла к окну и уткнулась лбом в прохладное стекло, словно холод мог остудить эту неловкость. Я сжала свободную руку в кулак, чувствуя, как ног-

ти впиваются в ладонь — это помогало держаться, не рассыпаться от вины.

— Оу, деточка, это ты меня извини. Конечно, это очень весома́я причина. А я-то уж было подумал, что ты всё же испугалась количества знаменитостей на вчерашнем вечере, поэтому и сбежала.

Усмехаюсь. Смех выходит сухим, коротким, почти безжизненным, но это лучше, чем расплакаться от того, как легко Роберт снимает с меня вину — будто одной его фразы достаточно, чтобы стереть весь этот тяжёлый вечер.

А что касается знаменитостей? Это Роберт знает всех в лицо и поимённо. Я же действительно большую часть времени провожу за вышиванием. Девяносто пять процентов вышивки — ручная работа.

Разумеется, не я сама всё делаю. У меня в подчинении почти полсотни мастериц, и именно на них лежит основной груз работы. Я готовлю трафареты и наброски на бумаге. Самолично я берусь только за индивидуальные заказы, и то не все, потому что времени вышивание занимает немало.

Что касемо знаменитостей: телевизор я смотрю очень редко. У меня в мастерской только радио не смолкает, из него я узнаю о том, что происходит в мире. Поэтому, когда Роберт захлёб рассказывал мне о том, какое невероятное количество звёзд придёт, я знала, что никого из них я не узнаю. Хотя всё же пару смутно знакомых лиц я, кажется, увидела.

— Да, так уж вышло.

— Ну тогда сегодня отдыхай, отдыхай, а завтра на работу. У меня потрясающая идея по созданию вечерних платьев. Скоро Новый год, мы рискуем не успеть, так что...

— Роберт Оскарович, — едва не по слогам произношу имя-отчество работодателя, чтобы привлечь его внимание, — сейчас только середина лета на дворе!

— Не только, а уже, милочка! Ты прекрасно знаешь, сколько уходит времени от наброска будущего наряда на клочке бумаги до последнего стежка.

— Прекрасно знаю, маэстро. А вы знаете, что я вижу то, какой рисунок будет на платье, только когда смотрю на готовый эскиз, а к работе приступаю и того позднее. Когда платье целиком готово уже.

— Да милая, но неужели ты меня оставишь?

— И не поморщусь! Что делать с оставшейся коллекцией, девочки и без меня знают. В крайнем случае, я на связи.

Ещё каких-то полгода назад я боялась рот открыть. Работала обычной закройщицей безвылазно, часто без выходных, и сверхурочные платили не слишком уж большие, но работа в тепле и на жизнь стало хватать, а это главное.

Когда я вышла замуж за Камала, мне было девятнадцать. Я тогда окончила второй курс филологического. Камал обещал, что я обязательно доучусь, но солгал! Я с боем оканчивала третий курс. Камал злился. Говорил, что я на учёбе помешана, и только поэтому мы не можем зачать ребёнка.

В конце концов я уступила. Забрала документы и покорно сидела в золотой клетке, а чтобы не сойти с ума, пока мой любимый занят работой, я шила и вышивала.

— Вы обещали мне отпуск, и я поеду. Вы обещали! — настаиваю. Голос звучит твёрже, чем я чувствую себя на самом деле, и в этом есть своя маленькая победа: я больше не та девочка, которая кивает, лишь бы не спорить, лишь бы не видеть этот тяжёлый, недовольный взгляд.

Я очень благодарна этому человеку. Он не просто дал мне хорошую работу, он подарил мне билет в жизнь! У меня сейчас более чем достойная зарплата. Да, я знаю, что должна зарабатывать ещё больше, и что Роберт жадоба и скупердяй, но я всё равно не жалуясь. Я с первого своего гонорара смогла купить небольшую квартиру в пригороде. Да, до работы я добираюсь на электричке, а затем на метро. Да, дорога занимает до полутора часов в одну сторону, но это лучше, чем жить в коммуналке и вздрагивать от каждого шороха. Ночами не спать и молить бога о том, чтобы сосед в очередной раз не привёл неадекватных дружков-алкашей. Честно признаться, молитвы плохо помогали...

Сейчас, вспоминая о том, как я жила первые полтора года после развода... Нет! Как я выживала первые полтора года! Я в самом деле не понимаю — как?!

У Роберта Оскаровича, к счастью, не было выбора, и он меня отпустил. А ещё, также к счастью, сегодня пятница, а это значит, что у меня есть ещё один свободный день, и я

должна уладить ряд вопросов. В том числе и рабочих, собрать вещи и всё же встретиться с Камалом, хотя я этого и не хочу! Я просто знаю, что не для душевного разговора он меня зовёт. Не после того, что было.

Стамбул. Шесть лет назад.

Комната была маленькой, с низким потолком и узким окном, из которого тянуло прохладой даже в самый жаркий день. На подоконнике стояла глиняная чашка с увядшими лепестками роз — я уже и не помнила, когда они были свежими.

— Привет.

— Здравствуй, Камал.

Муж неспешно переступил порог теперь уже моей отдельной комнаты. Его тень легла на пол, длинная и угловатая, будто сама комната пыталась оттолкнуть его, не пустить дальше порога, но он шагнул вперёд, как всегда уверенный в своём праве быть здесь.

— Тебе уже лучше?

— Значительно.

Слова приходится буквально выталкивать из себя, держать голос ровным, и того сложнее. **Внутри всё сжимается, как от холода, хотя в комнате душно, и этот контраст — между внешней жарой и внутренним ознобом — делает каждое слово тяжёлым, будто я поднимаю камни.**

— Любимая, поверь, мне тоже непросто.

— Да, я понимаю, Камал, — слышу тяжёлый выдох своего мужа.

Я чувствую, что ему также сложно, но всё же не как мне! Мы женаты почти четыре года, и у нас с Камалом нет детей. Его родители изо дня в день твердят об одном и том же: «Годы идут, здоровье уже не то, а так с внуками повозиться хочется». Особенно тётя Залима, мама Камала, причитает. Хотя сама ещё наших внуков переживёт!

— Я обещаю тебе, как только Айша понесёт, я забуду дорогу в её комнату. Всё будет, как раньше.

Камал крепко обнимает меня со спины. Я понимаю, что должна оттолкнуть его, но не могу даже шелохнуться. Я вообще едва держусь. Старательно концентрируюсь на бесцветном пейзаже за окном, чтобы не потерять сознание. Серые крыши, тонкие линии проводов, одинокая птица, зависшая в небе, — эти детали я собираю в памяти, как бусины на нитку, чтобы не рассыпаться, чтобы не закричать от того, насколько всё это неправильно, и насколько я бессильна это изменить.

— Как раньше уже никогда не будет, и ты это прекрасно понимаешь!

— Нам нужно время и...

— Камал, не мучай ни меня, ни себя. Отпусти. Давай разведёмся, я вернусь в свою семью.

— Они не примут тебя.

— Значит, я научусь жить самос... — я даже договорить не смогла. Сознание рвалось на части от понимания того, что расставание неизбежно и нужно рвать сейчас, прямо по живому. Иначе будет беда. Тогда я ещё не осознавала того, что “в воду глядела”.

— Я не отпущу. Я не смогу без тебя и дня.

— Ты прекрасно обходился без меня всю эту неделю.

— Перестань! Ты знаешь, что так положено. Так написано в священном писании. Положено семь дней со дня свадьбы, с новой женой.

— Вот видишь, в священном писании писано. А ещё там же сказано, что не имеешь ты права уделять меньше внимания кому-либо из жён.

— Ты старшая — главная! Я люблю тебя! Тебя одну и больше никого.

— Тогда отпусти.

— Нет! — сквозящая в голосе строгость не пугала. — И закончили на этом.

— Кам...

— В постель, жена! — приказ металлическим голосом.

3 глава

— Ты опоздала больше чем на десять минут!

— Как-нибудь переживёшь, — скидываю лёгкий кардиган на спинку стула, нарочно не торопясь, будто сама секунда промедления — это маленькая победа над его привычкой всё контролировать. В груди колотится сердце, но голос держу ровным, и это придаёт смелости.

Пока я ехала в ресторан, дала себе чёткую установку: этот мужчина больше не имеет ко мне никакого отношения! Камал не имеет на меня больше прав, и я не буду его бояться!

Острый взгляд впивается в моё лицо, я ухмыляюсь. Внутренне ликую, потому что смогла сделать это без особых усилий. А ещё его гнев меня не страшит. Ну почти не страшит...

В зале ресторана полумрак, мягкий свет падает на скатерти, и эта приглушённая роскошь кажется мне сейчас чужой, будто я здесь не по праву — и именно поэтому держусь прямее, чтобы никто, а уж тем более Камал, не заметил, как мне неуютно.

— Я смотрю, ты воспряла!

— Воспряла? — с губ слетает короткий смешок. — Что за пафос?!

— Чёрный кофе без сахара, — говорю подошедшей официантке, игнорируя уже стоящий передо мной капучино и пирожное «картошка». Пальцы чуть дрожат, но я прячу их

под столом — пусть лучше думают, что это от нетерпения, а не от нервов.

— Даже так?

— Представь себе. Вкусы меняются! — хмыканье Камала я игнорирую. — Ну, что ты хотел? Не задушевные разговоры же вести с женщиной, которую ты подобрал и обогрел.

— А это было не так?

Конечно, правильнее было бы и это проигнорировать, но я не сумела.

— Я, может, не родилась с золотой ложкой во рту, но и не бедствовала. Моё приданое было ничем не хуже других, так что ты не имеешь права оговаривать мою семью.

— Главный товар из всего приданого оказался испорченным.

— Ты сам выбирал. И на предложение я твоё не сразу согласилась. Да и вообще, тебе нужно было послушать матушку, она ведь отговаривала тебя.

Теперь Камал молчит. Он думал, что я не знала, а я всё знала. В целом родные моего экс-мужа относились ко мне неплохо, но вот мама моего благоверного никогда не скрывала своего истинного отношения ко мне. При Камале сдерживалась. Всегда! Но как только он выходил из комнаты, ни разу за все четыре года нашего брака она не упустила возможности меня поддеть.

В начале нашей супружеской жизни я всего лишь раз пожаловалась Камалу, и сразу же об этом пожалела. Нет, он не

кричал. Даже груб не был, но настолько доходчиво мне объяснил, на каком месте кто находится, что я предпочла молчать в дальнейшем и на свекровь свою больше не жаловалась.

Я просто терпела! В моменты, когда об меня в очередной раз вытирали ноги, глотала обиды и шла отмываться.

— Ты не имеешь права рта открывать в адрес моей матери, сука! Это из-за тебя она тогда в больницу попала с сердечным приступом.

— С каким? — смотрю прямо, не отвожу взгляда, и в этом есть какая-то странная сила: будто если я моргну, то снова стану той девочкой, которая вздрагивала от каждого резкого слова. — Говори, что тебе нужно.

— Чтобы ты заткнулась! Ещё слово, и я уничтожу тебя.

Всё же стоит немного придержать коней. Взгляд Камала едва не безумный от гнева. Не такой, как тогда, когда одними только словами, беспочвенными обвинениями, угрозами и хлесткой пощечиной вышиб из меня всю любовь, которую я к нему испытывала, но всё же!

Его слова вовсе меня не страшат. Если уж я тот ад пережила, и всё то, что было со мной после, то напугать меня уже просто нечем.

— Агентство твоего босса слишком сильно притесняет моих друзей.

— Кого, Лизетту?

— Да плевать мне на эту старую ведьму.

— Даже так?!

— Твоя вышивка действительно великолепна. Я с трудом сдерживаю гламурных кур магнатов, что рвутся к тебе с индивидуальными заказами. Каждая хочет нечто неповторимое в твоём исполнении.

— И-и-и.

На этот раз стараюсь не усмехнуться. На самом деле у меня на этот отпуск есть целых четыре индивидуальных заказа на очень крупную сумму. Но это, разумеется, большой-большой секрет. Если об этом станет кому-то известно, с работы меня вряд ли, конечно, уволят, но проблем однозначно будет не избежать.

Я бы ни за что не согласилась вот так вот, в обход Роберта Оскаровича, на халтуру, но мне очень нужны деньги.

— Ты хочешь, чтобы я завалила следующую коллекцию Вия? Даже если я захочу, у меня не вый...

— Ты всегда была такой дурой?

— Не хами!

— Мне нужно, чтобы ты принесла мне к завтрашнему дню... в край, через два дня, бумаги на его чёрную закупку.

— Что?

— Твой босс закупает ткани через контрабанду. Избегает ряд проверок и этим подвергает опасности здоровье и даже жизни своих клиентов. Я, как честный человек, не могу допустить, чтобы кто-нибудь пострадал.

— Какой ты оказывается благородный, — не без сорказма

произношу. Понимаю, что с огнём играю. Камал награне, и мне в самом деле лучше притормозить. — Так все делают. Без исключения! Большая часть тканей — контрабанда. Все так или иначе хотят экономить. Уклониться от налогов, избежать ряд проверок и так далее.

— Хм, а нет, не такая ты и дура! — едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза, и вместо этого сжимаю под столом край скатерти — ткань грубоватая, фактурная, и эта шероховатость под пальцами помогает удержаться от ответной резкости.

— Короче, мне нужны...

— Нет! — бесцеремонно перебиваю. — Не стану этого делать. Вообще не стану ничего подобного делать. Для тебя — так тем более!

— Ты вообще в курсе, что я могу обратиться в полицию и ты сядешь. Срок давности преступления ещё не истёк.

— Ну что ж. Буду шить колоритную робу, — снова усмехаюсь, хотя внутри уже нет никакого спокойствия. Самостоятельно расплатившись за свой нетронутый кофе, показываю всем видом, что разговор окончен.

— Ты что думаешь, раз столько лет прошло, я не докажу твою причастность?

— Ты сначала докажи, что твоя жена вообще была беременна!

Мой ответ явно застал Камала врасплох. Но он быстро собрался, и только он хотел что-то мне сказать, как я всё же не

сдерживаюсь — крою козырем!

— На третьем месяце беременности за прокладками не бегают!

Более я не стала продолжать разговор. Просто ушла.

Конечно, я понимаю, Камал не станет разбираться в подобных нюансах, да и у Айши, жены Камала, абсолютно всегда и на всё есть твёрдый, а главное — вразумительный ответ...

День выдался просто сумасшедший. Я переделала кучу дел, закупила продукты и так, кое-что по мелочи из вещей. Сумка оттягивала плечо, пакеты шуршали, а в голове всё ещё крутились фразы из разговора с Камалом, как заезженная пластинка, но стоило мне переступить порог дома, как этот шум будто отрезало.

Времени уже не так много у меня. Перекладываю в чемодан на колёсиках вещи. Ещё раз всё перепроверяю. Буквально десять минут на быстрый перекус и снова в путь...

— Ты чего так долго?

— Ух, какой сердитый. Соскучился, мочи нет?

— Это само собой! Но ещё больше я проголодался.

— Вас не кормили разве? — мой тон меняется, становится куда серьёзнее. Немного обеспокоенным.

— Мам. Ты же знаешь, у нас одна смена готовит ещё куда ни шло, но смена Порося...

— Так, что это такое?! — теперь перехожу на строгость.

— Какого ещё порося?!

— Его все так называют, — совершенно невозмутимо отвечает сын.

— Ты не все.

— Я в курсе, мам! Пойдём уже мелкую из сада забирать, — шустро переводит тему. И в этой его привычке уходить от неприятного разговора, в этом лёгком, почти мальчишеском движении плечом, я вдруг вижу столько родного, что вся злость мгновенно тает.

— Ладно, идём, — открыто улыбаясь взъерошиваю чуть отросшие непослушные волосы своего мальчугана. Сын морщится, но не отстраняется — и в этом тоже есть своя маленькая победа, своя тихая радость, ради которой стоит держаться и не позволять прошлому снова тянуть меня вниз.

4 глава

Камал

— Входите! — едва не гаркаю. Сдерживать себя совсем немоготу, поэтому с утра уже со стаканом вискаря. Стекло неприятно холодит пальцы, а резкий запах алкоголя будто подчёркивает, насколько всё внутри натянуто, как струна, готовая вот-вот лопнуть.

— Десять утра. Ты серьёзно?

— И тебе, брат, здравствуй.

— Что произошло? — Тимерлан подходит ближе, протягивает руку для приветствия. В его взгляде — привычная смесь заботы и осторожного раздражения. Он знает, что если я уже пью с утра, значит, внутри всё кипит.

— Я нашёл её!

— Да ладно... — Тиму не нужно пояснять, кого именно я нашёл. Несмотря на то, что я зарекался, он и Амир всё равно понимали, что рано или поздно это произойдёт. — Как нашёл?

— Можно сказать, что случайно.

— Интересно...

— Айша месяц назад приползла, мол, за границей дизайнер с уникальной коллекцией платьев. Для юбилея отца ей непременно нужно именно одно из них, с индивидуальной вышивкой от Русланы Алиевой.

— О как. Фамилию отчима взяла, значит. А почему не матери?

— Не знаю. Могу лишь только предположить, что не хотела, чтобы я нашёл её.

— А ты её только по двум фамилиям искал, получается?

— Да, об Али как-то и не подумал даже. Хотя он ей как отец был.

— Ясно.

— Я вчера её увидел. Подумал, она осталась как прежде. Глазки в пол, губки трясутся. Уже размечтался, что загоню её в угол, посажу под замок и заставлю за всё ответить, — от злости скриплю зубами. Я не должен чувствовать того, что чувствую. Она в аду гореть должна. Она не стоит и мизинца моего. Сука, она просто сука! — Я заставлю её в ногах у себя ползать...

Замолкаю. Тру лицо ладонями. Кожа горит, будто я только что вернулся с мороза, хотя в кабинете тепло, даже душно. И этот жар не от виски — он изнутри, от той самой ярости, которая годами копилась и теперь рвётся наружу.

— Быстрее излагай примерный план действий. Если, конечно, хочешь поделиться. Я не один пришёл! — брат явно снова плохо спал этой ночью. Но, потягиваясь в кресле напротив меня, всё равно выглядит пиздец каким счастливым. — Сейчас моя кобродка из твоей уборной приползёт.

— Чего ей дома не сидится?

— Да родит сегодня-завтра. Со вчерашнего вечера хво-

стом за нами ходит. Амир на встречу поехал, так она со мной.

— А дети с кем?

— Алим у репетитора, после на тренировку. Рустам и Саид в посёлке, у родителей Марьяны. Домой вообще не хотят оттуда возвращаться.

— Так правильно, там свобода, в городе им что делать? Это у Алима соревнования на носу, так бы и он туда рванул. А мелкие сейчас в том возрасте — бегай да бегай.

— Так что с Русланой? Почему птичка ещё не в клетке?

— Какая птичка? Тигрица. Хотя нет, пантера, мать её.

— Да ладно?!

— Я такой её не знаю, — делаю глоток алкоголя, смотрю в сторону, полностью погружённый в свои мысли. — Но ничего, тем интереснее будет ломать.

В голове крутится вчерашняя сцена: как она смотрела на меня без страха, как будто все эти годы она не пряталась, а готовилась к этой встрече. И от этого злюсь ещё сильнее — я хотел увидеть в её глазах вину, раскаяние, хоть что-то, что оправдало бы мою ненависть, а увидел только холодную решимость.

— Справки навёл уже, как она жила все эти годы?

— Судя по всему, неплохо. Ну это не страшно, я всё исправлю.

— Я думал, ты отпустил её, — игнорирую реплику брата.
— Муж у неё есть?

— Не замужем, но если какой ухажёр и имеется, ему же хуже!

Приближение Марьяны мы услышали ещё до того, как она постучала в двери.

— Проходи, Мари.

— Я Марьяна, — с порога возмущается обожаемая супруга Тима. — Тимерлан, нужно ехать!

— Мы ещё дела не обсудили.

— Ты тут уже десять минут сидишь!

Иронично выгибаю бровь. Предыдущие беременности Марьяны протекали без особых проблем, с этой же беременностью парни хлебнули по полной. Мари невероятно капризная и в то же время дёрганая. Причём едва ли не с первого дня зачатия.

Я вижу, что и сейчас Тимерлан едва сдерживается, видать, любимая с утреча уже нервы накрутила ему.

— Я тебе сразу сказал, оставайся дома, я по делам.

— Какие дела...

— Марьяна, — пиздец как спокойно, но обращается к своей женщине. — Не трепи мне нервы! А то по жопе получишь.

Немного наклонившись, наухо Мари что-то тихо говорит мужу, и, судя по тому, как у того округляются глаза, время подошло.

— Почему сразу не сказала, твою ж... — Тим вскочил с места и, ногой задвинув стул, махнул мне рукой и, осторожно приобняв своё сокровище, пошёл на выход.

— На вечер не планируй ничего!

— Да я уже понял.

Хоть что-то позитивное за последние два дня!

Далее работа никак не шла. В документах вижу буквы, но не понимаю смысла слов, в голове одна только Руслана, никак не могу перестать думать о ней. В целом и раньше мысли только о ней были. Её образ преследовал меня всюду.

Я столько раз пытался выбросить её из головы, убеждал себя, что не должен о ней вообще вспоминать, но она не отпускала. Я миллион раз убеждал себя в том, что должен её ненавидеть, и я ненавидел! Ненавидел, потому что предала меня! Вонзила нож в самое сердце и несколько раз провернула его.

Время шло, я старался переключиться на вторую жену — клин клином, что ли, но очень быстро понял, что это не то совсем — противно! Спасала только работа. Я меньше чем за год так круто поднялся, что и сам не ожидал. Я просто шёл напролом, не оглядываясь.

Время шло, и я начинал ненавидеть уже себя. Не потому что Руслана по-прежнему занозой сидела в моей голове. Я ненавидел себя, потому что раз за разом находил ей оправдания. И каждый раз, когда ловил себя на этом, сжимал кулаки до хруста в суставах, будто боль могла выжечь эти мысли, заставить меня поверить в собственную ложь — в то, что она действительно заслужила всё, что я готов ей дать.

5 глава

— Мама, ты только не переживай, ладно? У Градова всё схвачено, он с нас глаз не спускает.

— Я удивляюсь, как ты можешь быть таким спокойным?!
— посмеиваюсь, а у самой сердце громыхает, будто хочет пробить рёбра и вырваться наружу.

— Мам...

— Это твой первый серьёзный бой. Соревнование не между своими, а другие клубы. У тебя будет спарринг с мальчиком, который уже дважды выходил победителем.

— Спарринг — это тренировочный бой, мама.

— Не важно! Главное, ты меня понял. Сам же не хочешь меня просвещать в это своё искусство, — последнее слово выделяю. Тренер Елисея часто говорит, Тхэквондо — это искусство и сын время от времени тоже это повторяет.

— Не женское это дело, — со всей серьёзностью произносит, и мягко в убирая от себя мои руки, когда я в очередной раз пытаюсь поправить ему добок.

— У вас в клубе много девочек занимается.

— Всё равно не женское, — улыбается. — Ну так что?..
— смотрит немного с усмешкой, изогнув при этом бровь. В такие моменты я особенно сильно вижу в нём его отца. И от этого на секунду становится так горько, что хочется зажмуриться, чтобы не видеть этого сходства, но я не могу — я

должна видеть, как он растёт, даже если это каждый раз напоминает о том, чего у него никогда не было.

— Боишься, что он окажется сильнее меня? — и снова эта ухмылочка, от которой дыхание перехватывает.

— Глупости не говори. Ты у меня самый сильный! Я за технику его переживаю. За его тренера много нехорошего говорят.

— Мать, сплетни не собирай! Видел я этого тренера. Мужик как мужик, — Елисей совсем как взрослый, всё так же глядя на меня совсем не мальчишеским взглядом, самостоятельно поправляет бинты на руках. — Только пьющий.

— Ах, вот что тебя успокаивает?!

— Да ничего меня не успокаивает, мам. Просто перед боем нужно сохранять хладнокровие, а ты нагнетаешь. Иди в зрительный зал. Через восемь минут начнётся.

Иногда из-за того, что мой сын не по годам развит, меня берёт гордость! Но, вспоминая, почему это произошло, почему ему пришлось рано повзрослеть и у него толком нет детства, а в основном сплошные обязанности, я впадаю в уныние.

В груди всё сжимается. Делаю медленный вдох, чтобы не дать слезам пробиться — сейчас не время, сейчас он должен видеть меня сильной, а не той измученной женщиной, которая когда-то пряталась от пьяных соседей и молилась, чтобы дети не проснулись от криков.

— Ладно, уговорил. Удачи, сынок, я рядом! — целую ед-

ва ли не силком своего ребёнка в щёку, а тот пятится и по сторонам озирается, чертёнок. Переживает, не видел ли кто, как его мать тискает. В этом его смущении столько детского, столько настоящего, что на секунду весь этот тяжёлый мир отступает, и остаётся только он — мой мальчик, который хочет быть взрослым, но всё ещё боится, что над ним посмеются за то, что мама его любит.

Елисей в тхеквондо уже полтора года, и это официально, в юношеском спортклубе. А тренироваться он начал с полутора лет. Конечно, поначалу не было у него ничего серьёзного. Так, игра с соседом.

Я, конечно, и не подозревала, что рядом с нами живёт настоящая легенда, мировой чемпион по смешанным единоборствам, и это он привёл моего мальчика в спорт.

Когда моим малышам было по шесть месяцев, а точнее, Сане шесть, Елисею, соответственно, три месяца, хотя с виду казалось совсем наоборот, мы из коммуналки перебрались в дачный посёлок.

Это тётя Лида меня с детьми к себе переманила. Они в городе, как оказалось, жили только из-за матери дяди Гриши. Женщина умерла в возрасте ста девяти лет. Всё никак не соглашалась, престарелая городская жительница, в деревню переезжать. Хотя не такая уж и деревня оказалась: школа, детский сад, больница — всё как положено.

Вот как только бабы Меланьи не стало, Сорокины уехали за сто километров от города, и меня с детьми прихватили.

Только там я наконец начала понемногу оживать. Помню тот день, когда впервые за долгое время проснулась без ощущения, что сейчас случится что-то плохое. Окно было открыто, пахло свежескошенной травой и дымом от соседской печки, и этот запах был таким простым, таким настоящим, что я заплакала — не от горя, а от облегчения.

Я безмерно благодарна тётё Лиде с дядей Гришей, потому как не знаю, что со мною и моими детьми было, если бы они меня не поддерживали.

Когда после очередного скандала с моими пьющими соседями, который едва не закончился катастрофой для Елисея, тётя Лида с дядей Гришей предложили мне уехать с ними, я, не раздумывая, согласилась! К тому моменту я уже была полностью истощена своими дорогими соседями по коммуналке. Да и сколько бы я ни убирала там, сколько после их пьянок ни проветривала, дети всё равно болели.

Сорокины стали моей семьёй. Мы прожили с ними под одной крышей три года. Тётя Лида очень помогала мне с детьми, я устроилась на работу в местное ателье, там меня и заметил Роберт Вий. Каким-то чудом его занесло в наше захолустье, бог мне, наверное, помог.

Это позже выяснилось, что Роберта Оскаровича привлекло платье, что стояло на витрине. Я его сшила, как только пришла работать. Сделала это на скорую руку, так, для привлечения клиентов. Это, кстати, сработало.

Была середина декабря, я тихонько сидела в углу и шила

наряд дочери на Новый год. Роберт попросил показать свои остальные работы, и я показала, после чего он — нет, не предложил, — поставил перед фактом. Сказал, что я у него буду работать!

Зарплата гораздо больше той, которую я получала в местном ателье. Правда, добираться до города было непросто. Но я со всем справилась. Опять же спасибо Сорокиным.

Они взвалили на себя воспитание моих детей. Почти полгода, пока я становилась на ноги, тётя Лида с утра пораньше отводила моих детей в сад, а потом забирала их оттуда. Кормила и гуляла с ними.

Я же приезжала почти всегда за полночь, спала максимум четыре часа и снова на работу. У меня был всего один выходной в две недели, но сверхурочные хорошо оплачивались, я не могла отказаться!

Наконец у меня получилось накопить денег и переехать обратно в город с детьми. Нашла очень хороший садик, со специализированной группой для Саны. В ней она очень сильно нуждалась.

Несколько месяцев было всё более чем хорошо. Я всё успевала. На работе меня начали ценить и уже не так на мне «ездили».

Ах да, стоит отметить, что я у Роберта Оскаровича сначала работала простой закройщицей. Видите ли, он присматривался. Потом говорил, мол, нет у меня должного образования, и потому не может он меня повесить.

Я знала, что мои работы очень и очень хорошо продаются и что престарелый жук, Роберт Вий, меня нехило дурит, но боялась слово сказать. Дура!

Потом кто-то пустил слух, мол, меня переманить хотят, в другой салон и на большую зарплату, и вот тогда он забегал. Без всякого должного образования сделал меня главным специалистом по художественной вышивке, и не только поднял мне зарплату, но и стал выплачивать гонорары после выхода коллекций.

Я была просто на седьмом небе от счастья

Спустя ещё немного времени, Елисея я отдала в более престижный спортивный клуб, в один из лучших в городе. И для Саны педагогов нужных тоже нашла.

И всё бы хорошо, но потом откуда ни возьмись нарисовался брат хозяйки двухкомнатной квартиры, которую мы снимали. Да, от Сорокиных мы на тот момент уже отделились, потому что я понимала, люди они не молодые и им покой нужен. Вообще тот мужик предъявил права на жильё и бесцеремонно поселился во второй комнате, и плевать он хотел, что там мои вещи!

Мужчина оказался пьющим, и я очень боялась, что будет всё, как в моей первой коммуналке.

Я переживала, что придётся снова возвращаться в деревню, ведь жильё в большом городе за минимальную плату найти непросто. Это с той квартирой мне повезло. Возможно, потому что хозяйка солгала, что знать не знала и думать

не думала о том, что братец в любой момент разведётся со своей благоверной и поселится с нами.

Конечно, я могла уже и что получше со своей зарплатой снять, но нас в этой квартире до определённого момента более чем всё устраивало. Сад через два дома, клуб сына тоже совсем рядом.

Но не это даже главное! Оплата тренировок сына, плюс куча дополнительных взносов, форма, в конце концов, достаточно дорогая. Лекарства для дочки, те, которые нам и были нужны, а не их дешёвый аналог, ну и всё те же педагоги для Саны...

Поговорив с сыном как со взрослым, мы приняли решение остаться до первого серьёзного происшествия!

Время показало, что Денис Петрович, наш пьющий сосед, оказался совсем не буйным мужчиной, но зато очень шумным. Сложно было, когда он армейских друзей приводил. Они орали песни под гитару, от душевных армейских до жёсткого шансона. Гулянки раз в неделю стабильно, в день зарплаты — загул в три дня.

Дети, впрочем, быстро привыкли, спали как убитые и почти не просыпались, а я, как волчица, — всю ночь настороже. Счастье было, когда у Дениса Петровича выпадали ночные смены, особенно в выходные дни. Елисей присматривал за сестрою, а я отсыпалась. Сын сам на этом настаивал.

Но всё равно терпения моего хватило не особо надолго. Я бы, может, и ещё подкопила денег. Дождалась выхода ещё

одной коллекции и, получив очередной гонорар, купила бы квартиру в черте города, но всё же понимала, что жить невозможно в таких условиях.

И сейчас я счастливая обладательница небольшой двушки в сталинской постройке. Когда я впервые открыла дверь своими ключами и вошла в пустую комнату, где пахло свежей краской и чем-то новым, я стояла и плакала, потому что это был мой дом — не приют, не временное пристанище, а место, где мои дети могут расти спокойно, и никто не имеет права прийти и всё разрушить.

* *Добок* — форма для тхэквондо.

6 глава

Сигнал, оповещающий о скором начале соревнований, заставил вынырнуть меня из воспоминаний, вернуться в реальность. Звук резанул по нервам, будто кто-то провёл ногтем по стеклу, и я вздрогнула. Сжимая руки в кулаки, от нервного перенапряжения поднося их с плотно сомкнутым губам я уставилась на Додянг*.

Вот вроде бы и понимаю, что это бой среди младшей и средней группы. Понимаю, что мальчик мой со своим ровесником будет биться, и что вес у них плюс-минус одинаковый, а всё равно волнительно до такой степени, что голова кружится.

Я сажусь на своё место, практически в первых рядах, но ближе к краю. Мне не очень комфортно располагаться прямо по центру, где в большей степени отцы. Не хочу привлекать к себе лишнего внимания. Здесь, у самого края, я будто в тени — можно дышать, можно смотреть, не боясь, что кто-то заметит, как у меня трясутся руки, и подумает: «Да что она вообще понимает в этих боях?» А я ведь действительно мало что понимаю...

Когда соревновалась уже третья пара, я немного успокоилась. Дети есть дети! Удары не сильные, не совсем правильно поставлены, плюс защитный шлем, на руках боксёрские перчатки — всё вроде бы хорошо. Вот только когда на ковёр

выходит Елисей, моё сердце замирает. Оно не просто замирает — оно будто падает куда-то вниз, в пустоту, и только потом, спустя долгую секунду, снова начинает биться, тяжело и глухо, набатом.

Елисей, мальчик у меня рослый, он немного выше сверстников, и мышечная масса уже неплохо развита. Его соперник на год старше, но ростом такой же, ну, может, чуточку повыше.

Публика оживилась. Елисей дерётся далеко не как маленький. В соревнованиях между своими, в его родном клубе, он дрался с семилетками, потому что техника позволяет.

Удар ногой в живот соперника — там, конечно, защита, и мальчику не должно быть больно, но парнишка падает и корчится как будто бы от боли. Соперник моего сына явно растерян, и его тренер уже на первой минуте берёт таймаут. В нашей возрастной категории это разрешается.

Тренер что-то говорит своему подопечному, а Градов, наш тренер, доволен как слон. Глядя на Елисея, широко улыбаясь, поднимает два пальца вверх, а после что-то ещё жестом показывает Елисею, тот кивает.

Первый и второй раунд проходят хорошо. Елисей с большим отрывом по очкам обходит своего соперника. Публика визжит! На удивление, большая часть поддерживает моего мальчика. Я же, как мышка, сижу и тихо в кулачки болею за своего ребёнка.

Впереди третий, завершающий раунд. Всё вроде хорошо,

но всё же схватка между детьми нешуточная. Мой сын по технике и силе превосходит соперника, но парнишка, который поставлен против Елисея, не сдаётся, из кожи вон лезет, и я понимаю почему.

Достаточно серьёзный дядя, огромный как шкаф, судя по всему, отец мальчика, уже трижды дал сыну строгие и некрасивые громкие наставления. «Мочи его, гаси щенка», — кричал он своему сыну, а когда у того не получалось ничего, потому что мой Елисей ловко уворачивался, унижал своего сына словами «слабак» и «тряпка». Отвратительно было всё это слышать.

В какой-то момент к мужчине даже подошёл какой-то другой мужчина, кажется, кто-то из организаторов и что-то ему сказал. Не уверена, но может замечание сделал, или просто попросил быть сдержаннее, но он был послан, я по губам отчётливо это прочла.

Я очень внимательно следила за боем. Практически не отвлекалась, разве что на доли секунд. Поглядывала в сторону тренера, что тренировал соперника моего сына. Не нравится он мне хоть убей!

Сейчас короткий перерыв и уж слишком этот тренер подробно что-то объясняет парнишке, при этом показывает, с какой стороны и как нужно ударить. И почему у меня такое дурное предчувствие?

Оно расползается по груди, как тёмное пятно, и становится всё тяжелее, и воздух вокруг сгущается, дышать становит-

ся труднее.

Начало третьего раунда, и я уже не сижу на месте, подхожу ближе к зоне поединка. Родители сюда допускаются, но мне почему-то преграждают путь.

— Я мама! — говорю охраннику, показывая на Елисея. Он снова наносит точный удар сопернику — ногой по шлему. И только теперь меня пропускают.

Какой-то хлопок слева, мой сын на мгновение отвлёкся. Его соперник знал, что так будет, потому как чуть ли не единственный, кто на это внимание не обратил. Парень делает небольшой шаг в сторону и ставит ногу в нужное ему положение.

— Верхний блок справа! — громко и очень яростно кричу я, пока чёртов тренер ещё не переключился обратно на бой.

Елисей реагирует молниеносно! Он закрывается как профессиональный спортсмен, и удар приходится ему чуть выше запястья.

Громкий вскрик боли.

Стыдно признать, но я испытала некое облегчение оттого, что крик боли не Елисея и не он сейчас зашёлся в рыданиях, хотя, похоже, и моему мальчику досталось. Он хоть и не показывает, но я-то видела, как скривился. Впрочем, я и не помню, когда у меня сын вообще плакал в последний раз.

Бой остановлен. Тренер соперника, словно разъярённый шакал, пафосной походкой подходит к судьям, с явным намерением поспорить или поскандалить. Но в итоге, как я по-

нимаю, получает отпор от главного судьи.

Елисея забрал тренер в противоположную от меня сторону. Они метрах в десяти. Сын видит меня и едва уловимым жестом просит не подходить, оставаться на месте. Просто он знает, что я ещё больше расплачусь, не сдержусь, а сын не может видеть мои слёзы. Сейчас его обступили медики, как и его соперника. Надеюсь, ничего серьёзного!

Елисей вовсе меня не стесняется, наоборот, он говорит — я его гордость! Мой ребёнок не хочет, чтобы его считали маменькиным сынком. На соревнованиях почти всегда отцы рядом.

Наконец шумиха немного улеглась. Елисею заморозили руку, у его соперника травма ноги, и, кажется, она посерьёзнее: ему ставят укол, и, судя по всему, заберут в больницу.

— Итак, — слышу голос главного судьи, — в финальном состязании безоговорочную победу одерживает... Елисей А-а-алие-ев.

— Алиев?..

Да твою ж матушку! Этого мне только не хватало.

* *Доджзг* — площадка для поединка в Тхэквондо.

7 глава

— Ты что тут делаешь? — даже и не думаю быть вежливой. Голос выходит резче, чем хотелось, будто я пытаюсь этой грубостью выстроить между нами невидимую стену — чтобы он не подошёл ближе, не заглянул глубже чем позволено.

Приподнявшись на носках, смотрю, где мой сын, до Камала мне сейчас и дела нет. Хотя кого я обманываю. Я всеми силами пытаюсь выказать своё безразличие, только бы он ушёл. Не хочу, чтобы он видел моего Елисея.

Я встала не в самом удачном месте, и церемонию награждения мне с этого ракурса видно не очень хорошо. Ещё и мамаша парнишки, что стоит на ступеньку ниже, бегаёт с фотоаппаратом, загораживая мне весь обзор. От этого хочется то ли рассмеяться, то ли закричать: «Да дайте же вы мне просто посмотреть на сына!» — но я лишь стискиваю зубы и делаю шаг в сторону, выискивая хоть какую-то щель в этой живой стене.

Достаю свой андроид и, приблизив кадр, делаю пару снимков. К счастью, камера не самая ужасная, фотографии получаются неплохими.

— Алиев. Он что?.. — впервые слышу настолько взволнованный голос Камала. Он очень внимательно смотрит на мо-

его ребёнка, переводит взгляд на меня и снова изучает сына — моего сына! — Он не может...

Елисей очень сильно похож на своего отца. Просто уменьшенная его копия, за одним лишь исключением — цвет глаз мой, синие. Мальчишка у меня смуглый, сейчас так особенно. Пол-отпуска тренировки на улице, в одних только коротких шортах. Ещё у Елисея волос прямой, и этот чёртов вихор с правой стороны, в точности как у Камала. Из-за чуть отросших волос он виден сейчас особенно чётко. От этого сходства у меня внутри всё сжимается. Ещё от понимания того, что Камал далеко не дурак.

— Руслана, ты куда? — глупый вопрос, на который не отвечаю. К сыну своему я, конечно же.

— Мужчина, держите, пожалуйста, дистанцию, — говорю не слишком громко преследовавшему меня Галиеву, но ему, разумеется, слышно.

— Это не победа, — я останавливаюсь в двух шагах от Елисея. Он сейчас разговаривает с мальчиком немного постарше себя, ему лет восемь. Парень одет в такую же форму, как и мой сын, значит, он из этого клуба — это Алим. Вспоминаю: Елисей как-то говорил, что подружился с мальчиком по имени Алим. И вот этот мальчик мне кажется смутно знакомым. — Ему засчитали техническое поражение, — продолжает Елисей. В его голосе я слышу горечь, от этого и мне становится грустно.

— Да ты чего, брат, — Алим хлопает Елисея по плечу.

— Ты его больше чем на десять баллов обошёл. По-любому, это победа.

Подхожу ещё чуточку ближе, и мальчишки меня замечают. И не только меня.

— О, дядя Камал!

Вздрагиваю, когда Алим, улыбаясь, смотрит мне за спину. Камал делает шаг вперёд, останавливается в аккурат напротив Елисея, меня чуть отгораживая от сына.

И за это я готова запрыгнуть своему бывшему мужу на спину и расцарапать всю его бородатую рожу. В груди поднимается горячая волна ярости, такая сильная, что на секунду мир становится чуть ярче, чуть резче, и я делаю глубокий вдох, чтобы не сорваться и не сказать того, о чем потом пожалею.

Не желая стоять в стороне, пока Камал разглядывает моего сыночка уже вблизи, делаю шаг вперёд.

— Мама, знакомься, это мой друг, Алим. Я тебе рассказывал о нём, ты помнишь?

— Ну конечно, помню, сынок, — перевожу взгляд на друга сына. — Здравствуй, Алим.

— Добрый день! Я рад нашему знакомству, — снова улыбаюсь. — Дядя, это мой друг, Елисей.

— Здравствуйте, — Елисей протягивает руку для приветствия, а я невольно вытягиваюсь в струну и, кажется, дышать прекращаю. И это моё действие не остаётся незамеченным Камалом.

Галиев явно растерян. В момент, когда он в ответ протягивает руку, я замечаю, как она дрожит. Эта дрожь бьёт по мне сильнее любых слов. Значит, и ему бывает не всё равно, значит, земля под ногами у него тоже качается, хоть он и старается держаться.

— Сколько тебе лет, парень?

Вот же козлина!

Нестерпимо хочу перебить сына, чтобы он не говорил, но знаю, что в этом нет смысла. Камал всё узнает. Да и Елисею я потом что скажу? Как объясню своё поведение?

— В начале сентября пять исполнится.

— Ты выглядишь взрослее. Настоящий мужчина! — улыбается Камал сыну, а тот улыбается в ответ, абсолютно идентичной улыбкой. — И дерёшься ты очень хорошо. Я видел твой бой. Алим специально попросил приехать нас с его отцом пораньше. Все уши нам прожужжал о своём новом друге, — широкая улыбка, но всё ещё растерянный взгляд.

— Где папа, кстати, — подаёт голос Алим.

— Разговаривает с судьями. Ты его с Елисеем знакомил уже, верно? — парень кивает, а я смотрю в сторону судей и вижу там Амирхана, двоюродного дядю Камала. Мы встречаемся взглядами. Камал вновь обращается к **моему** сыну. — Как рука?

— Доктор сказал, что перелома нет, но рентген нужно сделать. Сейчас с мамой... — переводит взгляд на меня. — Мам, тебе плохо?

Я, как опьяневшая, какого-то чёрта уставилась на Камала и не слышу своего ребёнка. Вернее, слышу, но почему-то не реагирую.

Камал очень изменился. Он стал куда более мощным и даже будто бы выше. Но про рост это мне так кажется, конечно же. Черты лица стали жёстче, и взгляд тёмных карих глаз стал острее. А ещё он отпустил бороду. Она ему очень идёт, хотя и прибавляет возраста. На вид ему около сорока, даже чуть больше, а на деле всего тридцать пять недавно исполнилось. Кстати, Сана появилась на свет в его день рождения.

Все эти мысли проносятся в голове, как кадры старой киноплёнки, мелькают, щёлкают, нагромождаются друг на друга, и от этого в висках начинает стучать.

— Мама, плохо? — Елисей берёт меня за руку, и только от его прикосновения я прихожу в себя.

— Н-нет... Всё хорошо, родной. Болит рука?

— Нет! Заморозили же.

— Заморозка всего-ничего действует, — постепенно ко мне возвращается способность говорить. — Идём, больница тут совсем недалеко, так что...

— Мам, я хочу остаться на бой друга.

— Елисей. Я понимаю, что ты хочешь остаться. Но что, если ты на адреналине и плюс заморозка. Ты можешь просто не чувствовать боли. Вдруг травма серьёзнее, чем ты думаешь?

На самом деле, если бы врачи заподозрили серьёзную

травму, они бы не просто наложили на руку Елисея шину, они бы, как и его соперника, сразу же отправили с неотложкой в больницу. Но они даже на пьедестал дали ему взойти. Конечно же, я хочу просто сбежать.

— Мама права, Елисей. Давайте я вас отвезу?!

— Спасибо, Камал-Асад, но мы как-нибудь сами.

— Я настаиваю и...

— И не стоит. Оставайтесь на бой, к тому же отец...

— запинаюсь, потому что не знаю, как Алим воспринимает кого. Дело в том, что у Алима два отца. У них что-то вроде шведской семьи, наверное. Насколько мне известно, Алим — родной сын Амирхана, но с Амиром и Марьяной, мамой мальчика, живёт ещё и племянник Амирхана, Тимерлан. Я была в невероятном шоке, когда узнала об этом, но так как это совершенно не моё дело, своё мнение оставила при себе.

Елисей попрощался с другом, и мы направились в сторону выхода. Слава богу, Камал не пошёл вслед за нами, стал что-то говорить, по сути, своему брату, если мои вычисления верны, хотя Алим, как я поняла, считает его дядей.

Оказавшись на улице, я сделала большой глоток свежего воздуха. Голова закружилась, и я рефлекторно сжала руку сына.

8 глава

— Мам. Я же тебя предупреждал, травмы в спорте — обычное дело.

— И я с этим смирилась. Но одно дело, если ты случайно получил эту самую травму, и совсем другое, когда тебе наносят увечья намеренно!

— Там доказать нужно ещё.

— Я так понимаю, Василий Андреевич заметил?

— Да. Завтра будут просматривать видео в повторе. Роберта, скорее всего, снимут с соревнований, с полным аннулированием ранее приобретённых баллов.

— Роберт — это мальчик, что дрался против тебя, верно?
— Елисей просто кивает.

— А, да. Кстати... Спасибо, мама.

— За что?

— Ты закричала ставить блок, и мне не прилетело ногой в шею. Градов хотя и успел заметить мухлёрж Лебедева, но про защиту ты первая успела.

— Этот удар мог быть фатальным, понимаешь?

— Мам, мы много раз это обсуждали, я не хочу снова.

— Хорошо, не будем, — приходится уступить, потому что знаю — бесполезно спорить с сыном на эту тему. Только зря поругаемся. В груди всё ещё клокочет от пережитого ужаса, но я заставляю себя сгладить резкость в голосе, чтобы не ра-

нить его этим своим бесконечным волнением.

— Руслана! — оборачиваюсь на своё имя. — Вы закончили?!

— Наташа? Вы что тут делаете?

Сану нам пришлось в город взять с собою, так как тётя Лида вместе с дядей Гришей уехали на три дня, на юбилей к родственнице. Я дочку на время соревнований отдала подруге, и мы с Елисеем сами должны были её забрать.

— Руслана, прости меня ради бога, но мне мать позвонила, говорит, на шкаф полезла и не то со стула, не то... В общем, до телефона доползла, мне позвонила. Рыдает в трубку. Короче...

— О господи. Поезжай, конечно! — Елисей берёт сестрёнку за руку, даёт ей потрогать свою медаль и диплом победителя. — Позвони, как прояснится всё.

— Обязательно.

Подруга уходит, я сажусь на корточки, целую дочку в щёку.

— Ты кушала?

— Да, мамоська. Меня тётя Натаса гечкой с котетой покомила.

— Всё съела или как обычно? Птичкой поклевала?

— Всё села.

— Очень хорошо, моя принцесса. Мы сейчас в больницу сходим...

— Неть, мама, неть, — моментально дочка начинает за-

катывать истерику, — я не подую, мама, не подую.

— Так, стоп! — строжусь на дочку, хотя мне не просто. — Истерику прекращаем. В больницу не тебе нужно, а брату. У него небольшая травма, ему сделают рентген, и мы поедем домой.

Дочка не сразу, но понемногу всё же успокаивается.

— Есею больно? — шмыгая носом задаёт вопрос.

— Не, нормально всё, — отвечает за меня Елисей.

Она смешно ладошкой вытирает сопливый нос, подаю ей влажную салфетку, ею она старательно вытирает уже то, что по лицу размазала.

— Мам, а опуск кончился?

— Правильно говорить — закончился, — поправляю дочку. — Нет, Сана. Ещё полторы недели. Мы просто на электричку сегодня уже не успеваем. Переночуем дома, а завтра в деревню. На нас огород же оставили и кур тебе с Елисеем кормить, ты что, забыла?

Пытаюсь полностью отвлечь дочку, чтобы она не плакала. Говорю чуть быстрее, чем обычно, будто если выдам все слова разом, то она не успеет снова расплакаться — и сама в это почти верю.

Встаю в полный рост и тут же подпрыгиваю на месте, рукою хватаюсь за сердце.

— Я могу вас в деревню отвезти. Где она находится? — этот вопрос Камал задаёт, не сводя глаз с дочери.

— Отсель не видать! — ерничаю. — Мы как-нибудь сами.

— Мамоська, тут какой-то дядя? Кто он? — вот же моя любопытная... Надо было всё-таки Варварой называть!

— Никто, Сана. Мимо просто проходил... — прикусываю язык, поймав на себе строгий и в то же время немного растерянный взгляд сына. Он меня такой раздражённой и сверхдерзкой ни разу не видел.

— Привет, — здоровается с Саной Камиль, присаживаясь перед ней на корточки. Чтобы лучше рассмотреть, я так понимаю. — Ты очень красивая, — дочка улыбается, и на её пухлых щёчках вырисовываются ямочки.

— Нужно сказать — спасибо, — подсказывает брат.

— Пасибо!

— Руслана, эта малышка... она твоя дочь! — разумеется, это не вопрос. Дочка — копия я! Камал убирает прядь выходящих волос моей доченьки за ушко и при этом по-прежнему не отрывает от её лица взгляда.

Камал сейчас не просто взволнован, он явно шокирован. Мы вместе проходили обследование, и приговор был суровый: я бесплодна и никогда не смогу понести. Эта мысль бьёт по вискам, вызывая почти нестерпимую физическую боль.

— У неё и ямочки на щеках, и родинка под губой ровно на том же месте, где и у тебя.

Камалу говорить очень сложно. Спрашивается, чего ради? Когда он босую вышвырнул меня из своего дома, был куда более красноречив.

Хочу съязвить снова. Сказать: «Ну она же моя кровь!» —

но не успеваю.

— А патье? Патье у меня класивое? — дочка не унимается.

— Очень красивое, — уже более уверенно отвечает. Неужто взял себя в руки? Несмотря на своё удивление, на Сану он смотрит всё же не так, как на Елисея. Неужели он заметил, как сильно сын на него похож?

Дочка у меня совсем мелкая. Ей с натяжкой три годика дать можно. Конечно же, Галиев и предположить не может, что она его дочь.

— А оцки, оцки мне мама касивые купила?

— Ты прямо модница, — мне показалось, что Камал сказал это немного с раздражением. Хотя, скорее, и не показалось: он привык, что женщина молчит. Девочек кротости в религии Камала учат с младенчества. В их семье я рот боялась открыть.

Камал уже было собрался встать, но Сана ведь так просто не уgomонится...

— Дядя, а можно я вас тоже посмотлю?

— На вас, а не вас, — поправляет сестру Елисей.

— Так ты вроде смотришь, — ухмылка с лица Камала спадает, когда дочка, протянув свои маленькие ручонки, трогает его за ворот рубашки, шею, и только теперь подбирается к лицу.

— У тебя болода. Да! — констатирует дочка. Глаза Галиева расширяются, он скорее на рефлекс, осторожно, но быст-

ро снимает солнцезащитные очки с моей дочки.

— О господи! Она же слепая...

— Я не слепая! — кричит громко, топая ножкой, и снова хнычет.

— Правильно говорить — незрячая, — сдержанно обращаюсь к Камалу. — Вам бы воспитания немного, господин Галиев.

Беру дочку на руки, целую в щёку, прошу не плакать. Впрочем, долго она и не расстраивается. Успокаивается быстро. Её слёзы высыхают почти мгновенно, и от этого мне становится легче. Дочка умеет забывать обиду за секунду: вот бы мне так. Я храню обиды как выяснилось годами.

— Я не хотел никого обидеть.

— Да мы понимаем.

— Ты можешь не дерзить? — отрицательно мотаю головой. — Нам поговорить нужно.

— Нам не о чем говорить, — Камал уверенно бросает на Елисея выразительный взгляд. От этого внутри всё холодеет, будто кто-то приоткрыл дверь в тёмную комнату, и оттуда потянуло ледяным сквозняком.

— Нам говорить не о чем! — повторяю более членораздельно.

Я больше не могу находиться рядом с Камалом. Рядом с ним мне нечем дышать.

— Нам пора! — ставлю дочку на тротуарную плитку, беру её за руку. — Елисей... — Елисей по-мужски, на прощание,

жмёт руку Камалу.

— Завтра в три, в центральном парке. Детей с собой бери!

— Ага!

Как же. Умнее ничего в голову не пришло? Уже бегу, и косы расплетаются!

9 глава

— Мама, мы на лечку пойдём?

— Да, пойдём. Но если ты, как в прошлый раз, будешь в брата песок кидать, угадывая, с какой стороны он сидит, то это будет наш последний поход на реку.

— Я не буду песком блосать.

— И не песком бросать тоже не нужно! — строго предупреждаю свою мелкую шкodu. — Идём, маечку с шортиками наденем.

Беру своё счастье за руку и подвожу её к комоду, достаю из него одежду.

— Мама, а какую наденем маечку?

— А какую ты хочешь? Синяя в белый горох, белая с принтом единорога или розовая с принцессами?

— М-м... А ещё какие есть?

— Ярко-лимонный костюмчик есть. Вот! — даю дочке в руки вещи. — Укороченная майка-топ, спортивные шорты и модная кепка.

— Не, мне плинт не нлавится, — отдаёт обратно мне вещь.

Сана всё определяет на ошупь. Часто замечает даже самый незначительный брак на одежде, и если после стирки на какой-то вещи вдруг появились катышки или материя про-

сто немножечко истончилась, причём этого даже глазу ещё не видно, она уже подобную вещь ни за что не наденет. Поэтому для Саны я покупаю гораздо больше новых вещей, чем для сына, хотя Елисей, несмотря на всю свою серьёзность, тоже тот ещё модник. На день, под хорошее настроение, раз пять переодеться может. Чуть соринка, чуть песчинка, не приведи господь, пятно посадит — это всё повод переодеться!

— Хорошо. Но надеть костюм всё равно нужно будет позднее. Это бабушка Лида тебе купила. Её, кстати, поблагодарить нужно будет за подарок.

— Не буду благодаить, — последнее слово дочка пытается выговорить особенно старательно. Она вообще молодец и правда старается говорить более чётко, но пока что у неё не сильно получается особенно с некоторыми буквами прямо беда.

— Это ещё почему?

— От неё плохо пахнет.

— Так, Сана! — резко осекаю дочь. Бросаю быстрый взгляд в сторону дверного проёма, хотя знаю, тётя Лида к соседке ушла и минимум ещё час там чаёвничать будет. — Даже не думай сказать ей об этом. Бабушка Лида уже в довольно преклонном возрасте и очень полная. Лето, жарко! Неизвестно, как мы с тобою будем пахнуть, когда состаримся.

— Состаримся как?

— Ну, мы же растём! Становимся взрослее. Я когда-то тоже была как ты. Маленькая ростом, и кудряшки у меня были такие же, — щёлкаю дочку по носу, — сейчас я взрослая, и ты повзрослеешь. Время идёт, и мы все меняемся...

Слышу всхлип дочери. Отвлёкшись на наведение порядка в детском комодке, я не заметила, почему моя дочка расплакалась. Сердце сжимается так резко, что на миг перестаёт биться: один её всхлип для меня страшнее любой беды, страшнее самой тёмной ночи. Я совсем не выношу её слёз. Если ей хоть чуточку больно, реву вместе с ней. Видеть слёзы Саны тяжело не только мне, но и всем окружающим.

Роды были сложными. Накануне у меня украли документы, паспорт и медицинскую карту — соседи по коммуналке постарались! Благо хоть в базе я была, и только поэтому меня не к бомжам в палату определили, а в обычную.

Скандал с пьющими соседями не прошёл для меня бесследно. Я разнервничалась из-за того, что, придя после тяжёлого трудового дня с работы, обнаружила взломанную дверь в мою комнату. Соседи знали: я работаю без устали на складах и на почте подрабатываю практически в две смены. Деньги я конечно же откладывала, потому что понимала — детям очень много всего будет нужно.

Поначалу я действительно прятала свои сбережения у себя в комнате, но соседка, как раз-таки баба Лида, предложила на хранение отдать деньги ей. От греха подальше.

Сорокиным я до конца дней своих буду благодарна. Имен-

но они помогали мне. Очень помогли. И кормили они меня, и одежду... Нет, не покупали, конечно же. Дочка у них. Они её просили, и вот что она снашивала, то мне передавалось. Благо Женя аккуратная, и в целом у меня даже на выход была одежда относительно неплохая.

Камал ведь выставил меня босую за дверь, в рубаше позора. Вздрагиваю, прогоняя некстати нахлынувшие воспоминания, и делаю глубокий вдох — нужно вытолкнуть эту горечь из груди, чтобы она не просочилась в голос. Не хочу объяснять дочери почему у меня плохое настроение. Она его обязательно почувствует.

— Ударилась, маленькая моя? Где болит?

— Нигде не болит.

— Не ударилась?

— Нет.

— А почему тогда плачешь?

— Не хочу статься. Не хочу быть вонючкой! — дочка прямо-таки в рыданиях захлёбывается, а я выдыхаю — значит, не ударилась!

Мы с Елисеем буквально трясёмся над Саной. Из-за того, что она появилась на свет намного раньше положенного срока, весила всего девятьсот грамм и помещалась в ладошку. Сейчас у нас, помимо практически полной слепоты — крупные очертания предметов она ещё как-то различает при ярком свете, — но у нас и помимо достаточно проблем, которые мы старательно решаем.

Елисей появился на свет почти на три месяца позже сестрёнки. Наш случай называли уникальным. На тот момент я думала — это счастье, что мои документы были потеряны, потому как о нас рассказали по федеральным новостям и написали газеты.

Я очень боялась, что Камал узнает о нас. Я даже не сомневалась ни одной секундошки в том, что он заберёт у меня детей и меня к ним и близко не подпустит.

Кесарево сечение мне сделали в срочном порядке, и тогда же сообщили, что второй плодный пузырь полностью цел. Не было никакой отслойки плаценты, и Гульнара Мехбаулова, заведующая гинекологическим отделением, настояла на том, чтобы я доносила второго ребёнка.

Моя душа рвалась к дочери, но врач мне сказала, что шансов на таком маленьком сроке родить абсолютно здоровых детей равны нулю. Сказала, что мне бог шанс даёт выносить второго ребёнка, родить его здоровым. Убедила меня в том, что за моей девочкой присмотрят. Она будет под наблюдением врачей круглые сутки, ей предстоит долгое восстановление.

В целом женщина меня не обманула, но всё же о многом умолчала в то время. Меня оставили в больнице, также под круглосуточное наблюдение. Моя девочка была в соседнем корпусе, и только я одна знаю, чего мне стоило пережить разлуку с ней. Почти месяц мне её не показывали. Вернее, не так! Меня не пускали к ней, потому что мне было запреще-

но подниматься с постели. И лишь одна пожилая медсестра, когда я немного окрепла, втайне от всех, на инвалидном кресле, раз в три дня, когда выпадала её смена, возила меня к дочке. Только она одна меня понимала и помогала мне навещать мою малышку.

Кстати, именно Алла Давыдовна посоветовала мне дочку Саной назвать: «Сана — значит здоровая!» — сказала она. И дала мне молитву с именем моей доченьки, которую я зазубрила наизусть и безуданно читала её. И действительно, случилось чудо! До этого очень слабая моя малышка наконец начала прибавлять в весе, стала понемногу крепчать.

Врачи нам до сих пор говорят, что мы ещё легко отделались, а я вроде как будто и успокоилась уже, но всё равно раз за разом вздрагиваю, думая над тем, что могло быть хуже того, что имеем мы сейчас.

Я так-то едва рассудка не лишилась, когда, уже держа на руках действительно здорового Елисея, мне зачитали наш приговор. «Время упущено, ты всё равно ничего не смогла бы сделать!» — как они могли решить всё за меня? Я ревела, рвала на себе волосы, не знала, что же мне делать, и, на удивление, именно соседка, алкоголичка Зинка, вразумила меня: «Чего ревёшь? Ревёшь чего? Ничего уже не изменится, разве что молоко пропадёт, и дочка твоя витаминов нормальных лишится, да и пацан голодать будет. Что ты им дашь, нищесбродка?»

Её злые слова как удар по голове, болезненный, но дей-

ствительно отрезвляющий. Не знаю, где силы взяла, но я собралась. Сама себе психологом стала. Читала уйму статей, как не впасть в депрессию... Сейчас кажется всё это глупым и смешным, но тогда эти статьи... Какие-то вгоняли меня в ещё большее уныние, но, к счастью, тех статей, что действительно помогали, их больше было.

Сумма, которую мне удалось накопить за время беременности, была не слишком большой, и хватило только на самое необходимое. Очень сильно помогали соседи. Детская одежда, пелёнки. Мне было очень больно оттого, что не могла я покупать своим детям новые вещи, но выбора у меня не было. Пособие было очень маленькое, и его едва на еду хватало и на лекарства детям! Сама я после родов дошла до того, что весила всего сорок шесть килограмм и была очень близка к дистрофии.

— Мам, вы собрались уже?

— Да, Елисей, а вы что, уже закончили тренировку?

— Ага! Дамиру Савельевичу в город нужно было. Тренировка раньше закончилась.

— Всё ясно. Беги в душ, мы через десять минут выйдем.

— Мгы, — сын смотрит на меня как-то странно.

— Что-то случилось?

— Там дядя Алима приехал. Камал Галиев! — моё хорошее настроение как ветром сдуло. — Кучу игрушек привёз, — Елисей носком отпинывает в сторону небольшую мягкую игрушку что лежит у порога. — Ерунды всякой. Пистолеты,

машинки на пульте управления, как будто мне два года. Чё к чему вообще, мам? — пожимаю плечами и в это действие стараюсь вложить максимум спокойствия. Что ответить сыну не имею и малейшего представления.

К горлу снова подкатывает ком. Стискиваю зубы, чтобы не выдать голосом ту бурю, что поднимается внутри. Мне до зубного скрежета не хочется видеть Камала здесь.

— Он же не знает, что ты у меня рано повзрослел и в игрушки уже не играешь.

— Ну там вертолёт большой, прикольный вроде.

— Прикольный — поиграй! — ну а что мне ему сказать? Не бери от чужого дяди игрушки? Елисей всё равно обо всём узнает. Это только вопрос времени. Да он и сейчас точно что-то чувствует. Возможно, даже подозревает.

— Скажи ему, что я сейчас выйду.

— Хорошо.

10 глава

— Как ты нас нашёл? — глупый, конечно, вопрос. На моей работе все знают, где я отпуск провожу. Кто угодно из моих портних мог сказать.

— И тебе здравствуй! Почему вы не пришли в парк? Могла бы порадовать детей.

Игнорирую вопрос Камала. Не объяснять же ему, что парки у нас практически каждые выходные, и что им куда больше нравится быть именно здесь, на природе. Моих детей с речки не вытащишь. Они отсюда уезжать не хотят. А он решил в отца поиграть!

— Зачем так много игрушек? Большая часть такого жехлама уже давно на чердаке покоится. — тут я лукавлю, конечно же. Такими дорогими игрушками я Елисея не баловала. Просто в то время, пока он ещё хоть немного играл в машинки и пистолетики, у меня денег особо ещё не было. Да и сейчас ещё я многого себе позволить не смогу.

— Где игрушки, мамочка? — тут же оживилась моя принцесса.

— Иди сюда, — Елисей подзывает к себе сестру.

Я вижу, что кое-какие игрушки всё же приглянулись моему сыну, но он почему-то не прикасается к ним. Зато Сана очень ловко перебирает одну за другой. Пальчики её скользят по пластику, по ткани, по металлу — она изучает каждую

вещь, будто читает книгу, и от этого у меня в груди всё сжимается: как же много она узнаёт через прикосновения, как по-своему видит мир...

— Я хочу порадовать сына.

— Он не твой сын, Камал! — боже, я столько раз мысленно говорила это. Всегда очень уверенно произносила, а сейчас голос предательски просел. Словно земля под ногами дрогнула, и я вдруг почувствовала, как эта фраза, такая твёрдая в мыслях, в реальности рассыпается на мелкие осколки, не выдерживая тяжести его взгляда.

— Восьмого сентября две тысячи восемнадцатого года. Роженица Руслана Алиева, полных двадцать четыре года. Родила мальчика, весом три килограмма восемьсот грамм, ростом...

— Без тебя знаю, с каким ростом родился мой ребёнок, — на слове «мой» делаю акцент.

— Прекрати ерепениться. Я и по-другому могу с тобой поговорить.

— Снова ударишь? — соскакивает с языка быстрее, чем я успеваю подумать.

— Что за ерунду ты несёшь?

— А что ты сделаешь?

— Сделаю тест ДНК. Это, конечно, чисто формальность. Но суд...

Прыскаю со смеху, но это скорее нервное. Смех выходит сухим, колючим, будто из горла рвётся не веселье, а осколки

льда.

— Камал, суд всегда на стороне матери. Если он, конечно, хорошо не заплачен! — скрестив руки на груди, с вызовом смотрю на Камала. — У меня своя квартира, официальная работа, хороший доход. Дети помимо основного образования ходят на кружки и секции. Максимум присудят тебе быть воскресным папой.

— Это ты свой клоповник в двухэтажке в Солнечном хорошей квартирой называешь?

— У меня нормальная квартира! С хорошим ремонтом, и дом хоть и сталинской постройки, вполне крепкий, и в нём недавно сделали капитальный ремонт.

— В том-то и дело, что давно! Да у тебя подъезд засранный!

— Обычный у нас подъезд. Там подростки просто жгли что-то. Именно поэтому он смотрится столь непрезентабельно. И, в конце концов, в подъезде мои дети не живут. И клопы у нас не водятся.

— Есть много способов, Руслана, — не унимается Галиев.

— Ну, если только вашими стараниями! — вот же сволочь. Всё-таки вывел меня на эмоции. — Только вот если я им предоставлю справки о побоях, видео того момента, как ты выставляешь меня из дома... Там как раз прекрасно видно твоё не совсем адекватное состояние.

— Что ты несёшь, Руслана. Какое ещё видео?

— Твоя благоверная мне его прислала через неделю, как всё произошло. С подписью, — достаю телефон и в облаке

нахожу то самое видео, сую его под нос Камалу. — «Это тебе напоминалка, чтобы ты не вздумала забыть то, как сильно мой Камал тебя ненавидит».

Само видео не воспроизвожу. На стоп кадре расплывчато видно лишь очертания дома Галиевых и три силуэта.

Где жёнушка Галиева только мой новый номер нашла?! Хотя подозреваю, что ей служанка доложила. Миа должна была выкрасть мои документы из дома Галиевых и принести их мне. Я, бестолочь, додумалась сказать ей сразу, где лежит ожерелье. Скорее всего, она его забрала сразу, а документы и не думала мне приносить.

— Что за ерунда. Айша в таком состоянии была, что с постели встать не могла. Она в себя начала приходить месяца через два только.

— Ну тогда не знаю. Вариантов не так уж много, — развожу руками.

— Даже не смей намекать на мою мать! — подняв указательный палец вверх, он смотрит на меня полными гнева глазами. — Она любила тебя, приняла как дочь, а ты вонз...

— Вонзила нож вам в спину, — говорю совершенно спокойно. — Помню-помню.

— Как я мог полюбить тебя? — в глазах Камала отражается боль. — В тебе же нет ничего святого. Развожу руки в стороны, пожимая при этом плечами, дескать, сама не знаю, вот как так-то...

Оказывается, изводить Камала доставляет мне немало

удовольствия. Но вот только что-то внутри меня щёлкает, когда я вижу, как меняется его лицо. И от этого удовлетворения не остаётся и следа — вместо него приходит неловкость, будто я переступила черту, которую сама же и начертила, и теперь не знаю, как вернуться назад.

— Мама, — хныкая, дочка идёт в мою сторону. — Мама, я плохая, мама.

— Что за глупости, родная? — сажусь на корточки, обнимаю дочку, а у самой сердце щемит. — Ты у меня самая замечательная. Что тебя расстроило?

— Дядя мне ничего не привёз. Совсем ничего, — Сана продолжает плакать, а я с укором поднимаю взгляд на Камала.

— Я как-то... — что-то невнятное пытается сказать, но я его не слушаю.

— Не реви, сестрёнка, — Елисей обнимает Сану, а потом берёт её за руку, отводит от меня в сторону. — Там вообще нормальных игрушек нет, — по лицу Камала скользнула тень. — Идём к реке. Мама новые формочки купила, буду тебе замок из песка строить.

— Елисей, я сейчас.

— Догоняй, мам!

— Вот чёрт. Я что-то совсем о девочке не подумал. Вернее, подумал, но не...

— Но не переживайте, господин Галиев. Она как-нибудь переживёт, — говорю, а у самой за дочь сердце рвётся. Она

же совсем крошка, ну как ей объяснить теперь?

Но с другой стороны, я сейчас мысленно потираю руки. Из-за того, что Сана не видит, развивается она не по возрасту. Хотя это врачи так говорят. Она развивается по возрасту, но просто не так, как обычные дети. Она воспринимает всё на слух, многое определяет по запаху и говорит то, что думает, совершенно не заботясь о том, обижает она своими словами кого-то или нет. Выражения лиц тех, кто рядом с ней, она же в тот момент не видит.

Близкое окружение, друзья, мои коллеги, те, с кем я более-менее дружна, они все это понимают и относятся к зачастую резким и прямолинейным высказываниям моего ребёнка нормально. Только те, кто плохо нас знают, могут обидеться и посчитать моего ребёнка умственно отсталым. Хотя многие говорят, что, напротив, Сана очень умная, потому что её высказывания всегда бьют в цель, по самому больному. Не каждый взрослый так умеет.

Но, к огромному сожалению, именно это качество она унаследовала от своего отца. А ещё отношение к самой себе она определяет не только по словам, но и по поступкам. Подарки, даже самые незначительные, добавляют очков при знакомстве. Камал сейчас, сам того не подозревая, очень сильно обидел дочку. Теперь ему с ней общий язык не найти. Моя маленькая обижуля будет от него воротить свой маленький носик.

— Я хочу видеться с сыном.

— Так повидался же!

— Ты же понимаешь, о чём я! Я хочу, чтобы Елисей знал...

— У Елисея впереди ещё два этапа соревнований! — говорю резко, хотя и стараюсь держать себя в руках. — Они важны для него. Только посмей выбить его из колеи.

— Соревнования?! — Камал задумался, посмотрел по сторонам, а затем снова перевёл на меня свой взгляд. — Хорошо, я пока ничего не стану говорить ему! — отрезает резко, будто одолжения мне делает. — Теперь по твоей девочке. Завтра мне должен перезвонить Симаков Августин Артёмович, он...

— Мы были у него. Он, как и все, говорит, что Сане ничего не поможет, потому что гипоксия подъела затылочную часть головного мозга, и центр зрительного нерва развивался неверно. Он даже смотреть нас не стал. МРТ ему нашего хватило.

— Значит, нужно ещё...

— И ещё мы тоже были! Уезжай, Камал. Мне к детям нужно.

Обойдя Галиева, я бодрым шагом прошла мимо него и вышла за калитку. Шаги мои звучат твёрдо, но внутри всё дрожит, будто я бегу не от него, а от самой себя — от воспоминаний, от боли, от страха, что всё это снова накроет меня с головой, и я уже не смогу подняться.

11 глава

Камал

Я, как идиот, купил кучу воздушных шаров, нанял аниматоров, причём очень хороших, со специальным образованием чтобы и девочку, Сану, смогли развлечь.

Прождал на протяжении двух часов, но так никто и не пришёл.

Я оплатил так и не пригодившиеся услуги аниматоров и распустил всех, почти всех.

Фее пришлось заплатить отдельно!

Был настолько зол, что прямо за туалетом в колючих кустах вытрахал похотливый рот аниматорши.

Все два часа мне глазки строила.

Терпеть не могу подобных шлюх. Всю глотку ей разодрал, потому что кончить не мог. Перед глазами образ Русланы, который я никак не мог прогнать.

Её равнодушный взгляд полный презрения, — словно не она убила моего нерождённого ребёнка, и не она систематически травила мою мать.

У меня есть постоянная «дама перца», она снимает моё напряжение, когда мне это необходимо. Ею я пользуюсь не слишком часто, потому что с утра до ночи я работаю и выматываюсь так, что о сексе даже не думаю.

После того вечера, когда я наконец увидел Руслану, с той

самой минуты я безудержно хочу трахаться, но хочу я конкретно её. Эту суку Алиеву.

Она всегда была охренеть, как красива. Её аппетитные пухлые губки пленили меня, я готов был их облизывать круглыми сутками. Тело Русланы тогда ещё казалось совершенным. Сейчас же её формы округлились, и я против воли раздеваю свою бывшую глазами, я вижу до какой степени то, что для меня было невероятно привлекательным, стало безбожно прекрасным.

В офис вернулся злой, как сам чёрт. Наорал на секретаршу, даже сам не понял за что.

В кабинете из бара достал початую бутылку вискаря и, налив больше полстакана, опрокинул его в себя.

— Катерина! Громова ко мне.

Громову я дал задание узнать, как жила без меня Руслана. Да, я снова нарушил данное себе обещание!

Я клялся, что не стану интересоваться ею, но Руслана растила моего ребёнка, и я имею право знать, как и в каких условиях Елисей рос всё это время.

— Где тебя носит? — я уже немного пришёл в себя и даже не так зол, только раздражение до конца ещё не исчезло.

— Вы просили узнать об Алиевой Руслане Алиевне.

— В первую очередь я просил тебя о сыне узнать, — бесцеремонно обрываю частного детектива.

— Только сына?

— А меня ещё кто-то должен волновать?

— Ну...

— Не зли меня, Володя. Выкладывай, что на этот момент удалось выяснить.

— На самом деле много чего, — говорит на выдохе, открывая папку. — Она приехала сюда чуть больше пяти лет назад, и на одном месте жила до родов, так что...

— Про сына, Вова.

— Про сына! — откашлявшись, бросив на меня не од-
назначный взгляд Володя продолжил. — Родился мальчик
восьмого сентября восемнадцатого года, — в голове сразу
ведутся подсчёты. — В одном из перинатальных центров на-
шего города. Родился чуть раньше срока, но не критично,
состояние мальчика было вполне удовлетворительным. Ре-
бёнка выписали в срок, забирали его некие Сорокины, они
на момент появления на свет детей являлись соседями Рус-
ланы Алиевны.

— Где сейчас проживает моя благоверная? — правильное
было бы сказать бывшая или экс-супруга. Но наличие у нас
общего сына сейчас не позволяет мне назвать её как-то ина-
че.

— За чертой города, но в неплохом посёлке. У неё двух-
комнатная квартира в собственности, купила по дешёвке, но
в целом ей повезло, так как и дом в надлежащем состоянии и
сама квартира с хорошим ремонтом. Дети обеспечены всем
необходимым.

— Доклад даже не на троечку.

— Простите, но вы же сами просили только про сына.

— Ладно! — отодвинув кресло, резко опускаюсь в него и подтягиваюсь к своему столу. — О девочке! Найди лучших специалистов в нашем городе. Думаю, для начала нужно хотя бы понимать, что с ребёнком. Потом... Короче, сначала здесь, потом что скажут, — беру паузу, несколько секунд думаю. — Я слышал, как она говорила, что они в деревню какую-то ездят.

— Да! Отпуск, каникулы, выходные довольно часто они проводят у Сорокиных. Сами Сорокины, как я уже сказал, являлись соседями Русланы Алиевны, раньше они жили в городе, у них была хорошая квартира здесь. Старость решили доживать на свежем воздухе и с собою...

— Ценная информация. Мне тебя как специалиста высокого уровня рекомендовали, а ты пытаешься вывалить на меня кучу неинтересной мне хрени! Адрес этих Сорокиных есть?

— Само собой.

Зря я, наверное, с Громовым так. Мне его Боярин не просто так рекомендовал. Громов на него уже больше семи лет пашет и без нареканий. Уверен, что Володя профессионал в своём деле, просто у меня нервы не к чёрту.

Это всё из-за Русланы! Она мне как в молодости душу наизнанку выворачивала, так и сейчас. Хотя нет. Сейчас больнее, гораздо больнее.

Недолго ведь горевала. Разница у моего Елисея с сестрой

ведь небольшая, как я понимаю. Года полтора-два.

— Сука! — сжимаю шариковую ручку в металлическом корпусе так сильно, что сгибаю её пополам. Отшвыриваю в сторону и иду на выход.

Какое-то время бесцельно наматываю круги по городу. Что делать, ума не приложу. Теперь посадить Руслану под замок и заставить вымаливать для себя прощения, убаюкая меня, ни хера не получится.

Елисей развит не по годам. Алим после вчерашнего боя немного рассказал мне про моего сына. Он дружит с ним почти год и, как я понял, очень их дружбой дорожит. Не понимал, зачем я спрашиваю столь подробно о нём и говорил настороженно.

Я, увлѣкшись, стал слишком сильно наседа́ть на Алима, за что Марьяна едва не взащей меня выгнала из их дома. Она только родила, и перестройка гормонов пока что не делает из неё прежнего ангелочка.

На самом деле, она немного неверно истолковала наш диалог с её сыном. Посчитала, что я давлѹ на Алима и вынуждаю его рассказывать о друге.

Хотя, может в чём-то Мари и была права...

Вернувшись в свой холодный таунхаус, прямиком отправился под ледяной душ. После отключил телефон на хрен и увалился на кровать. Вырубился моментально.

С утра проснулся и сразу в торговый центр за игрушками для сына.

На самом деле изначально я и для девочки хотел купить что-нибудь, но она же не видит ничего.

Я решил, что у неё, возможно, какие-то специальные игрушки. Думал уточню у Русланы, потом куплю для неё, что нужно.

Как только я вошёл в огромный магазин, где от обилия игрушек разбегались глаза, то стал хватать всё подряд, практически без разбора.

Уже стоя на кассе, оплачивая ворох всего, что купил для сына, я почувствовал болезненный укол.

Я для Даниила никогда не покупал столько всего!

12 глава

В груди снова всё переворачивается, когда я вспоминаю, через что нам пришлось пройти, чтобы наш с Айшой сын появился на свет. Хотя...

Нет, всё-таки скотство перекладывать на Руслану всю вину целиком...

После случившегося Айша долго приходила в себя, и это, несомненно, вина Русланы. Но то, что моя вторая жена не могла понести, так это потому, что я никак не мог снова переступить порог её комнаты.

Даже мертвецки пьяным не мог! Стоял у двери, сжимал кулаки до побеления костяшек, а ноги будто к полу прирастали — ни шагу вперёд. Только в редких, самых редких случаях если и удавалось, то у меня просто не вставал.

Родители настояли, чтобы мы вдвоём на море съездили. Мне было всё равно, полная апатия, безразличие вообще ко всему. Я смотрел на бирюзовую воду, на смеющихся детей у берега, и внутри была звенящая пустота — будто меня самого там и не было.

Только вот и там меня хватило на три дня. Всего на три, и то только благодаря тому, что я пил до беспамятства. Наедине с Айшой было ещё паршивее. Она пыталась завести разговор, робко касалась моей руки, а я отдёргивался, будто её прикосновение обжигало.
 Но именно после этой по-

ездки моя вторая жена наконец забеременела.

Наконец я смог выдохнуть и бросить бухать, потому как уже не было надобности посещать спальню женщины, которая была мне едва ли не противна. В тот день, когда Айша сказала «я беременна», я не почувствовал ни радости, ни облегчения — какого-то хрена напротив, груз стал ещё тяжелее.

Я понимал, что Айша пострадала даже больше, чем кто-либо в нашей семье. Она потеряла неродившегося ребёнка и имела право на счастье, но я никак не мог переступить через себя. Айша из кожи вон лезла, чтобы внимание привлечь, но перед моим взором опять-таки только она одна — Руслана!

Её образ преследовал меня: то в случайном повороте головы промелькнёт её жест, то запах духов чужой женщины вдруг напомнит её аромат — и сердце начинало колотиться как сумасшедшее, а на душе становилось ещё гаже.

Даниль родился очень слабеньким. Айша провела с ним за границей почти четыре месяца. Всего боялась, тряслась над ним.

Зато сейчас. Куча нянек, а она только за новыми шмотками бегает.

Даниль в свои неполные три года практически ничем не интересуется. Он достаточно замкнутый мальчик. Из своей спальни выходит крайне редко. Порой мне кажется, что и вовсе, только когда я приезжаю.

И то он стоит в дверях, в руках неизменно красная маши-

на которую я ему подарил, не растаётся с ней совсем, смотрит исподлобья — и я ловлю себя на мысли, что не знаю, как к нему подойти, что сказать, чтобы он не отшатнулся.

Айша во главе с моей матерью уговаривают меня на второго ребёнка, но я не хочу. Всем своим нутром я не хочу. Не хочу больше детей, по крайней мере, не от своей жены...

При одной мысли об этом внутри всё холодеет, а в груди разрастается глухой, тяжёлый протест — я не готов снова проходить через эту муку, снова видеть эти глаза, полные надежды, которую я не в силах оправдать.

Сейчас, стоя во дворе дома Сорокиных, где Руслана проводит время с детьми, я слушал её дерзкие слова, и мне нестерпимо хотелось заткнуть ей рот. Как раньше заткнуть. Жёстко и на всю длину. Как же я давно подобного не чувствовал.

Воздух между нами будто наэлектризовался, каждый её взгляд прожигает насквозь, а в крови бурлил какой-то первобытный, гнев и похоть. Причём я сам не знаю чего больше...

Я прекрасно помню тот момент, когда Руслана впервые добровольно опустила передо мной на колени. Помню, как до чёртиков возбуждающе краснела и несмело брала мой каменный член в свой рот.

Для Русланы он стоял постоянно. Мне даже видеть её не нужно было, достаточно было почувствовать её запах, и в штанах становилось тесно. Вот прямо как сейчас. Если бы

не дети, не факт, что смог бы сдержаться и не нагнул бы её прямо здесь, под навесом.

Твою мать, Галиев, ты точно тронулся умом.

Мышцы сводит от напряжения, пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки, а в голове бьётся одна-единственная дикая мысль: «Ещё секунда — и я сорвусь».

Все похотливые мысли из головы выветрились, когда я услышал плач Саны. Сначала я решил, что она просто захотела привлечь к себе внимание, но она сняла очки, и у меня в этот момент замерло сердце.

У Саны большие тёмно-карие глаза, и из них текли крупные слёзы обиды. Они катились по её щёчкам, оставляя мокрые дорожки, и что-то внутри меня надломилось — я вдруг увидел в этих слезах не каприз, а настоящую, детскую боль, от которой хотелось выть.

Я никогда в жизни не чувствовал себя таким мудаком. Я действительно полный придурок, потому что решил, что для ребёнка, для девочки нужны какие-то особенные игрушки.

Руслана села перед дочерью на колени и снизу вверх посмотрела на меня как на что-то мерзкое. Непонятно, чего в этот момент во мне было больше — злости или отчаяния.

Её взгляд полоснул по сердцу, как лезвие: в нём не было ни упрёка, ни ярости — только ледяное, окончательное презрение, от которого хотелось провалиться сквозь землю.

Она больше не любит меня. Руслана смотрит совершенно

иначе. В её глазах нет и намёка на нежность и преданность...

Но ведь это я должен её ненавидеть!

Не так должно гореть моё сердце, когда я вижу её, и не то я должен чувствовать и к её ребёнку.

Мне же должно быть всё равно на слёзы этой малышки?! Только вот вместо равнодушия я чувствую, как царапающая боль рвёт моё сердце. Эта боль настолько острая и колючая... она царапает изнутри не позволяет дышать.

Девочка напоследок, перед тем как Елисей увёл её, посмотрела своими оленьими глазками сквозь меня, и столько разочарования в них было, что я физически ощутил, как на части рвётся моя душа.

Даже колкие слова сына о том, что ни одна из игрушек ему не понравилась, не так больно полоснули по мне. Елисей говорил это с холодным, взрослым равнодушием, а Сана смотрела так, будто я предал её доверие, и от этого становилось по-настоящему страшно.

Уже на полпути в город я снова набрал Громова.

— Володя, через два часа у меня в офисе, с полным отчётом от и до о Руслане, с момента как она покинула мой дом!

— Камал-Асад, я сейчас за городом, уехал по срочному заданию Батбаяра.

— Чёрт!

Я с такой силой сжал телефон, что суставы скрипнули, а в горле встал горький ком бессильной злости.

— Если хотите, я сброшу на почту файлом, там как раз

как вам и нужно, всё по порядку расписано. Плюс я кое-что интересное накопал, это вам может не понравиться, но из вашего общения с моим боссом... уж простите, но я ведь стал невольным...

— Ближе к делу!

Голос прозвучал резче, чем я хотел, но сдерживаться уже не было сил — внутри всё кипело, требуя хоть какой-то ясности, хоть крупицы контроля над ситуацией.

— Ещё когда Руслана Алиева была в вашем доме, в ваше отсутствие кое-что произошло. Мне отчёт из Стамбула буквально десять минут назад пришёл. Вышлю отдельным файлом.

— Я жду весь отчёт себе на почту.

13 глава

На въезде в город становлюсь в гигантскую пробку.

Асфальт будто застыл в серой неподвижности, машины жмутся друг к другу, гудки сливаются в монотонный, раздражающий вой, и от этого шума в висках начинает пульсировать тупая боль.

Файл от Громова пришёл уже минут через десять, но в пробке не хочу его открывать. Да и на телефоне читать некомфортно.

Когда наконец движение автомобилей становится более активным, на часах уже половина седьмого вечера. Смысла в офис ехать уже нет. Домой тоже не хочется.

В огромной квартире чувствую себя мелкой букашкой, которая никак не может найти себе комфортный угол. Там таких вообще нет. Нигде нет и уже давно, наверное.

Решаю поехать к Батбаяру в клуб. Сегодня народу немного. Запрусь в ВИПке, выпью чего-нибудь и спокойно посмотрю информацию.

С Боярином мы знакомы уже добрых десять лет. Баяр старше меня на пять лет. Однажды мы попали в заварушку, — я попал, Батбаяра рикошетом затянуло, случайно. Он мог просто уйти, у него была такая возможность, но он остался. Мы здорово тогда огребли с ним, но выкарабкались. Как-то всё очень спонтанно вышло тогда. Мы и сами толком не по-

няли ничего. Вот с тех пор и дружим.

— Добрый вечер, Камал-Асад.

— Привет, Вероника. ВИПки есть свободные?

— Из закрытых, к сожалению, все забронированы.

— Чёрт.

— Да, в одной девичник, во второй — день рождения Конюхова.

— Конюхов? Конюхов — это серьёзно, — пытаюсь улыбнуться, но что-то как-то паршиво. Улыбка выходит кривой, натянутой, будто мышцы лица забыли, как это делается.

— Кам? — слышу за своей спиной. — Ты чего забыл у меня в клубе в понедельник, да ещё и не так поздно?

— Да ещё и трезвый?! — заканчиваю за друга, протягивая ему руку для приветствия.

— А я о чём. Чё стряслось?

Проходим в зал, тут пока что ещё пусто, первые посетители только-только начинают прибывать. В воздухе висит запах дорогого алкоголя и полированного дерева, приглушённый свет ложится на барную стойку тёплыми пятнами, и на секунду кажется, что здесь можно выдохнуть, спрятаться от всего.

— Домой не охота переться.

— Чего так? — друг подкуривает сигарету, мостя свой зад на один из барных стульев.

Выдыхаю и достаю из его пачки и себе одну.

— О-о... — усмехается.

Я курить бросил довольно давно, как и напиваться до беспамятства, в общем-то. Пальцы чуть подрагивают, когда щёлкаю зажигалкой, и этот мелкий сбой выдаёт меня лучше любых слов.

— Рассказывай!

— Я Руслану нашёл, — друг присвистнул и снова заулыбался.

— То-то я смотрю, еблище у тебя загадочное!

Я рассказал Баяру всё в подробностях, тот, как обычно, был невозмутим и даже пару раз подъёбнул, что называется. Но ровно в тот момент, когда я сообщил ему про сына, его веселье как ветром сдуло.

— Ты, блять, мудила, — это он мне сказал на полном серьёзе, когда услышал, что у меня хватило ума не купить игрушку для дочери Русланы.

— Согласен.

— С другой стороны, тебя понять можно. Ни хера себе новости. Ребёнок от бесплодной жены. От которой ты по сей день прёшься.

Мне бы возразить, но нечего. Если бы Руслана была мне безразлична, то я бы не парился о том, что в её глазах ко мне только ненависть. И ненависть эта жжёт сильнее любой любви — она въедается под кожу, не даёт спать, заставляет снова и снова прокручивать в голове каждое её слово, каждый взгляд наполненный безразличием.

— Тебе твой кабинет сегодня нужен будет?

— Нет! Сказал же, у меня встреча сегодня. Иди! Там тебя никто не побеспокоит.

— Отлично!

В кресле Боярина сидеть — одно удовольствие. Ему прикатили его не то друзья, не то родственники из Монголии. Он восседает тут как хан, хотя в определённых кругах он именно Боярин, несмотря на то, что монгол!

— Блядь, — достаю телефон и набираю сообщение Баяру. «Код от компа у тебя какой?»

«Ты охуел?»

«?»

Через минуту он присылает мне набор символов с припиской: «В порнуху мою не лезь, нехуй драть на моих девочек».

Вбиваю код, и моему взору открывается ни хрена такая «пилотка» с большой задницей.

«Грёбанный ты извращенец», — отправляю другу.

«Да ты на глаза её посмотри, на глаза!»

Какие тут, на хрен, глаза! Тут уверенная пятёрочка, да причём точно своя. Выше глаза не поднимаются, просто залипают на ней.

Фотография, что стоит на фоне, явно не с интернета скачанная, она любительская.

Бабы ссутся по Баяру. Он красив, и в свои тридцать семь выглядит почти как пацан.

Первые же строки из доклада вгоняют меня в ступор.

Второе февраля восемнадцатого года, девять часов вечера:

*Руслана была замечена у хосписа МЕВА. Её в бессознательном состоянии находят сотрудники учреждения.
*

Девятое апреля: тайно покидает учреждение, похитив у одной из пациенток документы и чадру; уже на следующие сутки Алиева Руслана незаконным путём пересекла границу Турции.

Какой, на хрен, хоспис и какое бессознательное состояние?

Ладно, к этому моменту вернусь позже.

Вернувшись на родину, Руслана подала заявление об утере документов. После этого две с половиной недели о точном местонахождении Русланы Алиевны ничего не известно.

В груди всё переворачивается. Это что же получается, она бомжевала?..

Слова на экране будто расплываются, буквы сливаются в тёмные пятна, и я моргаю, чтобы вернуть чёткость, но картинка не становится яснее — только глаза от напряжения больше болят.

Я только начал, а уже трезвым не могу это читать. Звоню на бар, прошу принести коньяка с лимоном. Нажираться не буду, само собой. Голова должна быть ясной. Но, блять, не трезвой!

Руки подрагивают, когда я наполняю свой бокал янтарной жидкостью и снова сажусь в кресло. Стекло приятно холодит

пальцы, и этот холод на секунду отрезвляет, даёт опору, за которую можно держаться.

Первого мая восемнадцатого года Руслана Алиева снимает жильё по адресу: Целинная, дом 18, квартира 75. Работает на складе бытовой химии, а также на почте в две смены. Носит газеты, в ночь разбирает посылки.

Снова делаю большой глоток алкоголя, он меня не берёт совсем, боль в груди только крепчает. От меня Руслана уехала беременной моим сыном. Работа на складе, работа на почте. Какая вообще работа в беременность?

Айша палец об палец не ударяла, пока вынашивала нашего ребёнка. Хотя и после его рождения особо не разогнала. У неё только шмотки, встречи с подругами. О сыне-то вспоминает только после моего пинка.

Я хотел, чтобы Руслана страдала, мечтал, чтобы локти кусала, чтобы ко мне прибежала и в ногах валялась, молила о пощаде. А теперь эти мечты кажутся мне отвратительными, жалкими, и от собственной жестокости становится тошно.

Шестое мая: Руслана Алиевна прикрепилась к поликлинике своего района. Встала на учёт по беременности на сроке четырнадцать акушерских недель.

Ниже были прикреплены анализы. Я далёк от медицины, но, судя по цифрам, что выделены красным, ничего хорошего с Русланой не было. Причём разница между нормой была внушительной.

Восемнадцатое мая: в одну из комнат коммунальной

квартиры по адресу Целинная, 18 из мест лишения свободы возвращается супружеская пара — Беглых Вячеслав и Зинаида. В квартире возобновляется разгульный образ жизни. Руслана Алиевна на постоянной основе конфликтует с неблагополучными соседями; Беглых не раз в непозволительно агрессивной форме нападали на Алиеву, неоднократно наносили ей побои, дважды вскрывали её комнату с целью ограбления.

От гнева стискиваю челюсть. Она была беременна. Беременна моим ребёнком! Снова напоминаю себе. Иона переживала всё это?!

Мышцы на скулах напрягаются до хруста. Я выпил уже больше половины бутылки коньяка и понимаю, что нужно остановиться, но я совершенно не чувствую себя опьянённым, поэтому доливаю ещё.

Двадцать шестое июля восемнадцатого года: между Русланой Алиевой и Беглых Вячеславом вспыхивает ссора, в результате которой Руслану Алиевну увозят на карете скорой помощи. В ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое июля восемнадцатого года женщине проводят кесарево сечение на двадцать пятой акушерской неделе. Девочку, глубоко недоношенную, весом в 590 грамм, подключают к аппарату ИВЛ и определяют в специальный бокс для дальнейшего выхаживания.

Руки немеют, в голове всё звенит. Этот звон становится громче, перекрывает все остальные звуки, и мир сужается до

одной точки — до этих сухих, безжалостных строк, которые бьют по вискам, как молотки.

Второй плодный пузырь не повреждён, сердцебиение второго плода было замедленным, но в пределах нормы. На экстренном консилиуме было принято решение не родоразрешать Алиеву Руслану Алиевну, оставить плод до дальнейшего вынашивания. Руслану Алиевну оставили в перинатальном центре до рождения второго плода.

Восьмого сентября восемнадцатого года путём повторного кесарева сечения родился мальчик, весом три килограмма триста грамм.

Дальше я уже не читал, в голове стоял гул, казалось, всё вокруг замерло, во мне всё замерло!

14 глава

Стамбул. Шесть лет назад

— Любимый... Любимый...

Переступив порог семейного дома, Камал слышал восторженные крики своей ненавистной второй жены. Именно из-за неё его любимая женщина ходит как тень. Воздух в прихожей будто стал гуще, тяжелее, и каждый её звонкий возглас отдавался в висках тупой, нарастающей болью. У Камала разрывалось сердце, и он уже сотни раз пожалел о том, что поддался на уговоры родителей и взял вторую жену.

— Любимый, — Айша буквально вылетела навстречу Камалу, чуть не сбила его с ног. Камал с трудом сдерживался, чтобы не наорать на девушку и не послать её ко всем чертям. Он инстинктивно отступил на полшага, чтобы разорвать дистанцию, но она не заметила этого отступления — или сделала вид, что не заметила. — Муж мой, — Айша берёт руку Камала и быстро целует её. Мужчина уже готов был грубо отдернуть руку, но не успел. — Любимый, Аллах благословил нас! — зашебетала Айша, прекрасно видя настрой своего мужа. — Он наконец услышал наши молитвы. Я беременна! У нас будет малыш!

Обрадовался ли Камал?

Нет!

Разве что выдохнул. Теперь не нужно посещать спальню

Айши. Теперь он каждую ночь будет проводить со своей любимой женщиной. Эта мысль должна была принести облегчение, но вместо этого внутри всё сжалось в тугой узел — потому что цена этого облегчения была написана в глазах той, кого он действительно любил. Вот если бы эту новость сообщила ему Руслана, если бы она понесла, счастьем Камала не было бы предела.

— Ты не рад, любимый?

— Рад, — сухо произнёс Камал, наконец пройдя в просторную гостиную. Он говорил это, глядя куда-то поверх головы Айши, будто обращаясь к невидимому свидетелю, который знал правду.

Он почувствовал её взгляд и тут же поднял голову. Оттого, какими несчастными глазами на него смотрела Руслана, стоя перед лестницей на втором этаже, у Камала защемило сердце. Он проигнорировал мать, что, светясь от счастья, шла к сыну поздравить его, и быстрым шагом направился к Руслане.

— Душа моя...

— Не нужно, Камал.

— Я прошу... — как же больно было Камалу, но вся его боль — ничто по сравнению с тем, что чувствовала Руслана в этот момент.

— Нет! — больше не в силах сдерживаться, Руслана повысила голос, — это я тебя прошу. Я прошу...

— Прекрати истерику! — Камал моментально поменял

тон. Взял жену под локоть и буквально поволок в её комнату. Его пальцы впились в локоть чуть сильнее, чем следовало, выдавая внутреннюю борьбу между желанием защитить и необходимостью казаться жёстким.

— Я требую развода.

— Ты его не получишь!

— Зачем ты меня мучаешь? Почему ты так жесток со мною?

— Родная... — Камал подошёл к жене и притянул к себе, крепко держа в объятьях, произнёс: — она понесла, и слава всевышнему. Я не стану больше посещать её комнату. Ко времени, как она родит, наш с тобой дом будет достроен. Мы заберём малыша, и ты будешь его мамой. Мы будем счастливы.

— Ты дурак?! — Камал опешил, но ничего не сказал, просто не успел. Руслана продолжила: — Как можно так поступать с Айшой?

— Мне казалось, ты ненавидишь её?

— За что? За то, что твои родители нашли её и с её родителями договорились о вашей свадьбе?

— Значит, ты ненавидишь моих родителей?

— Значит, я дико ревную, и эта ревность изнутри меня пожирает! Она уничтожает меня, и я так не выдержу, Камал, я умру, — последние слова провалились в глухом крике боли.

— Прекрати говорить глупости. Перестань, — Камал сно-

ва притянул к себе свою жену. Он прижимал её к себе так крепко, словно хотел передать ей часть своей силы, заглушить её боль собственным сердцебиением. Слова Русланы не на шутку напугали мужчину, и он уже совсем не злился на жену.

— А знаешь, что? Давай-ка мы с тобою поедem куда-нибудь, отдохнём. Встретим Новый год только вдвоём.

— Вдвоём?

— Вдвоём! — Камал вытер мокрые от слёз щёки любимой. Руслана призадумалась. Как же она этого хотела, как же мечтала побыть со своим любимым мужем наедине. Её взгляд на секунду стал светлее, в нём мелькнула та самая надежда, которую она так долго прятала даже от самой себя.

— А мы можем тайно сбежать?

— Тайно? — Камал усмехнулся, — Что за глупости, душа моя?

— Ну... Ну, а вдруг сглазим, и обязательно что-нибудь произойдёт, и наши планы будут сорваны.

А в этом Руслана не сомневалась, она была уверена, что так и будет. Свекровь с коварной Айшой, что при ней уже себя проявила во всей красе, обязательно что-нибудь придумают.

— Ну хорошо. Куда поедem?

— Туда, где есть снег.

— Снег?

— Ага.

— На крайний север?

— Ну нет!

— На Аляску? В Анкоридж?

— Нет. Поехали на мою родину. В Домбай, я там с десяти лет не была!

— На нашу родину, я как бы тоже родился там.

— Ты разве в Домбае родился? — удивлённо посмотрела на мужа Руслана.

— В той же стране, я имею в виду.

— А-а-а...

Это были самые незабываемые две недели, которые Камал провёл со своей любимой женщиной. И именно тогда им, наконец, удалось зачать... В холодном горном воздухе, среди заснеженных вершин, их любовь обрела ту самую чистоту и силу, которой не хватало среди лжи и интриг родного дома.

Возвращение домой после прекрасно проведённого времени не просто вернуло всё в прежнее уныние, всё в разы усугубилось.
И если Камал лишь в первый вечер отделился упрёками матери, мол, бросил беременную жену, тем самым довёл её до угрозы выкидыша. Конечно же, это было неприкрытой ложью, но что молодой мужчина, на уме у которого любовь и бизнес, понимает?!

Переламывая себя и растаптывая окончательно Руслана, Камал пошёл в спальню своей второй жены, из которой она, манипулируя якобы слишком плохим самочувствием, не выпускала Камала почти целый месяц.

В это время Руслана угасала, не воспринимала окружающий мир, и впервые за всё время, которое она провела в родительском доме Камала, отказалась от вкусного чая, который каждый день для неё заваривала свекровь. С первого дня возвращения, сделав лишь маленький глоток, Руслана почувствовала отвратный вкус горечи. Она его просто выливали, для вида оставляя лишь пару глотков...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.